

Валга Аршинская
Злая Зима

Ольга Алексеевна Ярошинская

Злая зима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70298311

SelfPub; 2024

Аннотация

Медведи, если не засыпают на зиму, становятся чрезвычайно злыми и опасными. И лучше не попадаться им на глаза. Но Брун – не медведь. Он оборотень, и ему категорически нельзя впасть в спячку. В здешних краях появились охотники за оборотнями, которые убивают их во сне, осознавая свою безнаказанность. Так погиб отец Бруна... И теперь он намерен отомстить. Брун готов начать настоящую охоту за убийцами. Но для этого ему нужен помощник. Тот, кто не даст ему уснуть... Но кто согласится на такое предложение? Ни один человек не захочет оказаться рядом с оборотнем, да еще и «шатуном». Разве только это будет не человек... Единственная, кто готова пойти на эту авантюру, – юная Эльза. И то – лишь потому, что ее инициировал вампир. С прежней жизнью все равно покончено. Так почему бы не присоединиться к такому же изгою? Тем более ради благой цели? А там, как знать, быть может, из их партнерства вырастет что-то гораздо большее.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	37
Глава 3	65
Глава 4	89
Глава 5	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Ольга Ярошинская

Злая зима

Глава 1

Зима струилась стужей по позвоночнику, морозила кончики ушей, баюкала завыванием ветра. Бруну до боли хотелось обернуться, согреться в шкуре с густым подшерстком, спрятать нос в лапы и уснуть до самой весны. Голова болела злой тягучей болью, словно изнутри к затылку присосался клещ и его гладкое серое брюхо медленно раздувалось, как воздушный шарик.

К зданию подъехало желтое такси и быстро укатило в метель, оставив у крыльца девушку с большим серебристым чемоданом. Ей нечего здесь делать. Явно человечка из самого центра. В такой шубе она бы не прошла по Звериному кольцу и трех кварталов – ее смешали бы с грязью. Девушка вдруг подняла голову и посмотрела прямо на Бруна.

Он раздраженно дернул штору, и карниз с треском отвалился, рухнул на пол, побелка осыпалась мелким крошевом. Брун отшвырнул злосчастные шторы, синяя ткань стекла к ногам грязноватой лужицей. Психолог, который работал с Бруном, уверял, что синий успокаивает. Брун был в бешен-

стве.

Накануне он едва смог уснуть. Ему все мерещились шорохи и чужие шаги, он подхватывался через каждые пять минут, боясь уйти в глубокий сон, и в итоге едва разлепил веки к обеду. Два будильника, заведенные накануне, оказались бессильны против сна медведя-оборотня.

Он всю осень выбирал себе помощника, который должен был помочь ему пережить зиму и не впасть в спячку. Константин казался идеальным вариантом: спокойный, выдержанный, молчаливый. Физически сильный – черный пояс по карате. Костя переехал к нему в середине ноября и уехал через полторы недели с носом, распухшим, как клюв тукана. Оказалось, что у него сильнейшая аллергия на медвежью шерсть.

Брун рухнул в кресло, упал лбом на шершавую деревянную столешницу. Он не мог нанять первого встречного, слишком много требований. Будить медведя во время зимней спячки – непростая работа, требующая хорошей физической силы и отличной ловкости, чтобы увернуться от возможного удара. Да и пока он спит сном младенца, хорошо бы иметь рядом охранника, который сможет хотя бы задержать нежеланных гостей, которые, он готов был поставить шкуру на заклад, будут. Еще нужна крепкая психическая устойчивость. Не всякий выдержит его даже в радушном настроении.

Все это он честно перечислил в объявлении, которое сей-

час висело перед ним на экране ноута. Личный помощник для оборотня-медведя. Совместное проживание на зимний период. Тысяча сторнов за каждый месяц. Не слишком много, но больше он себе не может позволить, итак в бюджете дыра с совиное дупло. Проще всего было бы уехать на зиму на Медвежий остров. Там круглосуточная охрана, уютные берлоги, комфортный микроклимат и спа-комплекс после пробуждения.

Для него это не вариант. Не после того, что случилось прошлой зимой.

Он поднял голову и страдальчески посмотрел на экран ноута.

Семь просмотров за три дня.

Остается только забаррикадироваться в своей квартире и надеяться, что он доживет до весны.

– Можно? – В приоткрытую дверь заглянула девушка. – Я по объявлению.

Брун кивнул, на секунду потеряв дар речи при виде пассажирки такси. Девушка перешагнула порог, остановилась, озираясь. Брун стряхнул крошки побелки с плеча, подтянул носком ботинка штору, в тщетной попытке затолкать ее под стол, но девушка заметила его маневр и удивленно приподняла бровь. Впрочем, перед этой фифой не стоит ломать комедию. Все равно она не подходит. Хрупкая, как тонкий фарфор, который лучше даже в лапы не брать – треснет, каштановые волосы свисают до плеч прядями такими рваными,

словно их кромсали кухонным ножом. Распахнутая серебристая шубка стоит больше его машины.

– У вас побелка на носу, – сказала она. – Меня зовут Эльза.

– Ты не подходишь, Эльза, – буркнул он, вытирая лицо рукавом.

Эльза – дурацкое имя. Сначала мягкое «л», от которого едва язык не сворачивается, а потом надо сомкнуть зубы, будто кусаешь листок, – так его учила в свое время логопед. Только вот он не травоядный.

– Прощай, – сказал он.

– А еще след на лбу от стола отпечатался, вот тут, – она ткнула пальцем себе в середину лба. – Подхожу.

– Если бы мне нужна была секретарша, я бы, может, тебя и взял. – Он откинулся на спинку кресла, заскрипевшего, как свежий снег. – Ножки у тебя что надо, общий вид, – он обвел ее в воздухе рукой, – вполне. Бледновата слегка, но это вроде модно сейчас. Заκος а-ля кровосос, – он ухмыльнулся случайной рифме. – Кофе варить умеешь? – Дождавшись кивка, продолжил: – Тогда приходи весной, Эльза. В начале апреля.

– Мне нужна эта работа, – упрямо повторила девушка, и в душе Бруна зашевелилось сомнение. А может, и вправду попробовать? Она куда симпатичнее Кости, который к тому же стриг ногти на его ковер.

– Откуда ты вообще взялась? Я не давал адрес в объявлении.

– У вас работал Костя, с аллергией...

– Да. Выходит, он дал тебе адрес, и ты решила заявиться лично. Что ж, похвальная целеустремленность. Но ты не подходишь. Я могу зашибить тебя ненароком и даже не заметить.

Брун махнул рукой, показывая на выход. Эльза вздохнула и медленно задрала юбку. Брун выпрямился в кресле, ошарашенно впитывая неожиданную картину: черные чулки на кружевных резинках, белая гладкая кожа бедер, краешек трусиков.

– Это... весомый аргумент, – заметил он, – хотя под совместным проживанием я не имел в виду интим.

– Я тем более не имею его в виду, – ответила девушка и развернула правую ногу в сторону.

Брун текуче встал, подошел к ней, присел на корточки, рассматривая две алые отметины с синей каймой на внутренней стороне бедра. Втянул запах. Искусственная свежесть духов с цитрусовой ноткой почти забивала естественный аромат, но девчонка пахла человеком. Значит...

– Метка альфа-вампира, – ответила на его мысль Эльза и одернула юбку, словно опустила занавес. Чулки и белая кожа исчезли.

– Но ты все еще человек, – заметил он, выпрямляясь.

– И собираюсь им оставаться как можно дольше.

– Когда он тебя пометил?

– Два месяца назад.

Брун смотрел на девушку сверху вниз, стоя на расстоянии неполшага. Она подняла на него глаза. Рыже-карие, теплые, совсем не такие, как у кровососов. Это временно. Она сорвется.

– То есть ты предлагаешь мне взять в качестве личного помощника и охранника меченую, которая только и будет думать о том, как бы запустить клыки мне в горло?

– Оборотни пахнут не так аппетитно, как люди.

Брун скривился.

– Говорят, вы можете и крысами питаться, если прижмет.

– Не вы. Они. Я не буду пить кровь, и трансформация останется неполной, – голос Эльзы звучал твердо, но Брун не мог ей поверить, как бы ни хотелось.

– Если ты согласилась на метку, так чего теперь тянешь? – спросил он.

– Я не соглашалась, – сказала она и отвела блеснувшие глаза.

Брун замер. Кажется, он что-то такое слышал. Альфа инициировал девушку без ее согласия. В новостях это быстро замяли.

– Слушай, девочка, – он пытался говорить мягко, ему действительно было ее жаль, – ты уже сейчас испытываешь голод. Дальше будет хуже. Однажды ты сорвешься.

– И тогда ты меня убьешь, – ответила Эльза, твердо посмотрев на него.

Брун отступил на шаг.

– Ты ведь недолюбливаешь вампиров, как все оборотни, – затараторила она. – Скажешь – самооборона. Тебе поверят. Молодые вампиры без тормозов.

– Я не хочу никого убивать, – тут он слегка покривил душой, но ей не нужны все его темные секреты.

– Может, и не придется. – Она шагнула и снова оказалась так близко, что он видел свое отражение в ее глазах. – Я подхожу тебе. Я сильная, очень. Почти такая же сильная, как настоящий вампир. – Она судорожно порылась в алой сумочке размером не больше его ладони, вынула ключи и согнула один пальцами. – Я могу вообще не спать. И я не возьму с тебя денег. Судя по всему, у тебя их негусто. Я могу даже сама тебе заплатить.

– В объявлении еще было про психическую устойчивость, – напомнил Брун.

– С этим сложнее. – Эльза впервые улыбнулась, зубы у нее были белые, мелкие, клыки едва выступали.

– Зачем тебе это? – Он осторожно ткнул пальцем в ее щеку. Теплая. Эльза вздрогнула, отшатнулась.

– Я просто хочу прожить эту зиму человеком... Мне нужен кто-то рядом, с кем можно хотя бы поговорить, тот, кто не боится меня, – выдохнула она. Нижняя губа дернулась, и Эльза ее прикусила. Черт, да она чуть не плачет. – Пожалуйста.

Брун перекатился с пяток на носки и назад, взгляд остановился на пухлых вишневых губках. Она может быть подсы-

лом. От волков или, черт бы их побрал, охотников. Симпатичная ловушка для медведя-шатуна. А когда он уснет, она воткнет нож ему в сердце, а потом сдерет шкуру на трофей. Но если то, что она говорит, правда? Эльза Даримова, точно, так звали девчонку из новостей. Однажды она оказалась не в том месте и не в то время, а теперь никто ей не поможет, потому что никто в своем уме не станет переходить дорогу альфа-вампиру.

– Ты не подходишь, Эльза. Извини.

Он подождал, пока она выйдет за дверь – губы дрожали, и глаза на мокром месте, но подбородок гордо задран, – вернулся в кресло. Экран ноута погас, но Брун смотрел сквозь него. У него слишком много проблем, чтобы вешать на себя дохлых собак вроде меченой девчонки. Да, он не станет кровососом, даже если Эльза его всего изгрызет, и вряд ли умрет от потери крови – девчонка скорее лопнет, как обожравшийся комар. Но новые враги ему ни к чему.

За окном окончательно стемнело, но Брун не стал включать свет, жалея слезящиеся глаза. Фонари протянули ленту света вдоль улицы – неплохое место: в квартале оборотней, конечно, но во второй линии от человеческого круга. А башню вампиров почти не видно днем. На тонком черном шпиле вдали мерцало бледное искусственное солнце. Девчонка, Эльза, обречена, и лучше бы ей смириться. Хотя Брун не мог не симпатизировать ее упертости. Он знал, каково это, когда судьба закладывает крутой вираж и тебя сносит с трассы и

несет по инерции в кювет, а ты забываешь дышать от липкого ужаса, но все еще пытаешься вырулить, в глубине души понимая, что это конец.

Брун, скривившись, отвернулся от башни кровососов и вышел из кабинета, прихватив с собой ноут.

Он спустился по лестнице, на ходу застегивая куртку, толкнул дверь, сражаясь с заевшей молнией и прижимая ноут под мышкой, и едва не споткнулся об девчонку. Она сидела на чемодане, свесив голову на грудь. Снежинки усыпали каштановые волосы, пушистый воротник, укрыли носки сапожек из тонкой кожи.

– Ты заболеешь! – ляпнул Брун и тут же понял, что сморозил глупость. Кровососы не болеют – бонус к бессмертию, или, вернее, к смерти длиной в бесконечность.

Эльза вытерла щеку ладонью, не поднимая головы.

– Иди домой, Эльза. Давай я вызову тебе такси. Твои родители небось с ума сходят.

– Мне некуда идти, – глухо ответила Эльза. – Для родителей меня уже нет.

Брун еще пару секунд гипнотизировал маленький сугроб, медленно вырастающий у нее на макушке, и вздохнул:

– Ладно. Поехали ко мне. Может, сама еще передумаешь.

Он выдернул чемодан из-под вскочившей девицы и потащил к машине.

Рваные облака неслись по небу, толкаясь, словно льдины по реке. Луна блеснула серебряной чешуей в черной полы-

нье и нырнула в глубину. Брун молча закинул чемодан в багажник потрепанного «Шевроле-Тахо», открыл заедающую пассажирскую дверцу.

Эльза, запахнув шубку, приютилась на широком сиденье, спрятала нос в пушистом воротнике.

– Не люблю шубы, – не смог сдержаться Брун.

– Это ведь не из оборотней, – попыталась оправдаться она.

– Все равно.

– Я в последнее время часто мерзну, – пожаловалась она. – Мне постоянно холодно.

Еще бы. Трансформация, насколько он знал, так и происходит. Замедляется сердечный ритм, снижается температура тела. Похоже на спячку. Однако нервная система, наоборот, разгоняется.

Она выглянула из воротника, взмахнула густыми ресницами. Стоп. А может, это намек? Брун непроизвольно сжал руль сильнее. Девушке одиноко и холодно. Брун покосился на острые коленки, обтянутые черным капроном. Не то чтобы она в его вкусе – уж больно тонкая, явно чистокровная человечка без всяких примесей, но с другой стороны – как может быть не в его вкусе симпатичная девушка в чулках?

Эльза включила радио, гремющий рок заполнил салон, отскакивая горохом от всех поверхностей, барабана по перепонкам. Ее духи, казалось, пропитали машину насквозь. Остро пахло грейпфрутом и немножко огурцами. Кто в здравом уме захочет пахнуть огурцом? Брун поморщился, но ни-

чего не сказал.

Два месяца назад

Запах крови плыл над лестницей, и Джонни летел по ступенькам, раздувая ноздри. Клыки выступили за губы, в горле пересохло, как в старом колодце. Запах был соленым, горячим, полным страха. Свежая кровь – это не сгустившееся пойло в медицинских пакетах, отдающее пластмассой, и это значит, что альфа сорвался. Наконец-то.

Джонни вошел без стука, замер у двери.

Синеватые прожилки бежали по светлому мраморному полу, сплетаясь в узлы вен, густея у подножия одинокого кресла, которое казалось крохотным в пустом овальном зале. Изогнутые резные ножки кресла грелись в темной шкуре. На стене напротив висела картина с водяными лилиями, сияющими в темноте, словно звезды. Больше ничего. Альфа признавал только те вещи, которые считал совершенными. За спинкой кресла застыла блондинка – идеальная красота.

Джонни направился к фигуре у панорамного окна – черному силуэту на фоне ночного неба. Альфа повернулся, серебристые глаза сверкнули, и Джонни едва сумел сдержать порыв и не упасть на колени перед создателем.

– Микаэль, – он сдержанно поклонился.

– Я не звал тебя, – ответил альфа, снова отворачиваясь к окну.

– Прости, Микаэль, я почувствовал запах.

– Да.

– Ты взял эту кровь насильно.

Альфа промолчал, спрятал руки в карманы. Джонни подошел ближе, стал рядом, но чуть позади. Ночной город раскинулся внизу лоскутным одеялом: людской центральный округ расчерчен улицами ровно, как по линейке, сверкают огни, вывески суматошно моргают – люди боятся темноты, страх заставляет отгораживаться светом от того, что таится во мраке. Звериное кольцо, опоясывающее центр, темнее: редкие билборды да россыпь окон, где маются бессонницей.

– Ты убил человечку, альфа, – обличил его Джонни. Это была девушка, несомненно, в запахе таилась сладость и желание, наверняка ей самой хотелось стать жертвой, они всегда этого хотят.

– Думаешь?

– Я хочу услышать это от тебя. Я хочу услышать приказ, узнать, что это только начало, что мы установим власть над городом!

Микаэль поднял руку, и Джонни умолк.

– Я иногда забываю, как ты молод, – полные бледные губы изогнулись в кривой усмешке. – Люди слабы, но их много. Я не стану развязывать новую охоту на ведьм. На меня охотились несколько веков, поверь, в этом нет ничего интересного. Мы живем спокойно, люди сами сдают кровь в центрах переливания или даже добровольно подставляют шеи. Почему ты никак не можешь понять, что сейчас золотое время

для нас, вампиров?

– Потому что это не так! – возразил Джонни. – Мы берем жалкие капли, а можем взять все!

– Упоение властью дарит ощущение жизни. – Микаэль потрепал Джонни по плечу, и тот задрожал от ласки, как щенок. – Только ты забыл, что, по сути, мы мертвы. С каждым годом, что я ношу в груди остановившееся сердце, бессмысленной суеты все больше. Иногда я думаю – зачем я продолжаю существовать? Все потребности исчезают, мне не нужен комфорт, признание или, упаси тьма, эмоциональная близость. Я не хочу славы, мне не интересны борьба и власть. Знаешь, что осталось?

– Голод? – спросил Джонни.

– Он слабеет с годами, мой мальчик. Его можно контролировать. И это точно не то, ради чего стоит длить бытие. Красота. Эстетика – вот то, что держит меня здесь. Этот мир очень красив. И та девушка, она была восхитительна, красива тонкой красотой, которая не бросается в глаза, но на которую хочется смотреть снова и снова. В ней был свет, словно в этих цветах, – Микаэль повернулся к картине.

– И поэтому ты убил ее? – спросил Джонни. – Скажи, где тело, я все уберу. Нам не нужны проблемы.

– Но люди так хрупки и недолговечны, – продолжил Микаэль, снова отвернувшись к окну. – Я вдруг захотел это исправить.

– Смерть была ей к лицу?

– О нет, я не убил ее, не совсем, – инициировал. Она станет вампиром.

– У нас очередь на инициацию длиной со Звериное кольцо! Есть люди, готовые заплатить миллионы!

– Знаю. Больные, увечные, фанатики...

– Богатые! Нам нужны деньги, чтобы поддерживать достойный уровень жизни.

Микаэль равнодушно глянул на Джонни.

– К тому же у нас нет свободной квоты! – не сдавался тот. – Ты так ценишь спокойствие, а сам создал скандал на ровном месте.

– Кэти, подойди сюда, милая, – позвал альфа.

Блондинка прошла мимо Джонни, остановилась перед альфой, склонила голову. Джонни не успел увидеть движения Микаэля, раздался резкий звук, будто кто-то смачно укусил сочное хрусткое яблоко. Голова Кэти подкатилась к его ногам, аккуратный прямой носик ткнулся в блестящую туфлю. Обезглавленное тело рухнуло, высыхая на глазах, кожа почернела, обтянув кости туго, как чулок.

– Теперь у нас есть квота. Жаль, что она была молодым вампиром, столько мусора. Если бы умер я, осталась бы лишь горстка пепла, – меланхолично сказал Микаэль. – Начинается!

Тонкая розовая полоса пересекла небо, золотые нити выпростались из-за горизонта, легкими росчерками штрихуя небо.

– Как прекрасно, – выдохнул Микаэль. – Ты только посмотри...

Джонни зажал оторванную голову под мышкой, второй рукой обхватил иссохшую щиколотку и потащил тело прочь.

* * *

– Вот и моя берлога. – Брун, повозившись с замком, распахнул двери квартиры, пропуская гостью вперед.

Эльза вошла, озираясь по сторонам, чемодан громыхнул, переехав через порог.

Брун включил свет, переступил шубу, которую Эльза, явно привыкшая к более галантному обращению, не глядя сбросила с плеч.

– У тебя ковры на стенах? – ее голос дрогнул. – Я такое только на бабушкиных фотографиях видела.

Эльза присела, подобрала шубу с пола и повесила на вешалку рядом с его потрепанной курткой.

– Уютно, мне нравится, – буркнул он, прячась в недрах квартиры. – Проходи, располагайся. Я сейчас.

Он поставил в духовку замороженную пиццу и вернулся в гостиную с бутылкой вина и бокалами, неся их, осторожно зажав между пальцами стеклянные ножки. Эльза ходила по комнате, рассматривая обстановку: она провела кончиками

пальцев по ворсу ковра с затейливым орнаментом, напоминающим то ли зверей, то ли цветы, выглянула в окно, отодвинув тяжелую коричневую штору, взяла с полки деревянную статуэтку птички и протерла пальцем пыль на загнутом клюве. Брун забрал птицу и, водрузив ее на место, протянул гостье бокал вина.

Эльза благодарно кивнула, отпила глоток и слизнула темную красную каплю с нижней губы.

– Расскажи, как тебя угораздило. – Брун сел прямо на ворсистый бежевый ковер, вытянув ноги.

– Мы отмечали начало нового учебного года. – Эльза забралась в полосатое замшевое кресло с ногами, отпила еще вина. – Третий курс. Я учусь... училась в музыкальной академии по классу фортепиано.

Она посмотрела на свои пальцы, обнимающие бокал, нахмурилась.

– Сначала мы зависали на квартире у подруги, потом решили затусить в ночном клубе. Я была на танцполе, когда официант передал мне приглашение за чей-то столик. Поначалу я просто отмахнулась, но он так заискивающе и испуганно улыбался, что я обернулась и увидела вампира. Ты когда-нибудь обращал внимание, какие у вампиров уродливые уши? – Она поежилась, заправила прядь волос за маленькое ушко, мимоходом потрогав мочку с бриллиантовой капелькой, и выпила одним махом полбокала. – У оборотней тоже уши не такие, как у людей. Вот у тебя – слишком круглые и

посажены чуть выше. Но оборотней проще всего определить по переносице. У вас она широкая и сглаженная. И по бирке, конечно.

– Ближе к делу, – перебил ее размышления Брун, раздраженно дернув желтый кругляш, болтающийся в ухе.

– Я отказалась идти, – продолжила Эльза. – Только на-
строение пропало. Меня как будто ледяной водой окатили,
даже хмель прошел. Антон, мой парень, бывший, – добавила
она с легким усилием, – проводил меня домой. Мы подня-
лись ко мне, стараясь не шуметь, потом... ну, ты понимаешь.
И когда Антон ушел – ведь отец поднял бы скандал, застань
его в моей постели, – появился вампир.

Она выпила вино до дна, протянула бокал, и Брун налил
еще. Подумав, поставил бутылку рядом с ее креслом.

– Слушай, к чему тебе эта пытка? – спросил он. – Ты все
равно обратишься. Тебе не надо кого-то кусать. Иди в любой
пункт выдачи крови и покончи с этим. Порция крови стоит
не больше сотки. Деньги у тебя наверняка есть. Тысячи иди-
оток мечтали бы оказаться на твоём месте. Ты получишь си-
лу, бессмертие.

– Зачем мне бессмертие? Я даже не знаю, что мне делать
завтра, – пожала плечами Эльза. – И я не идиотка.

Духовка запиликала таймером, отвлекая их от разговора.
Брун вытащил пиццу, с наслаждением втянул запах сыра и
копченых колбасок. Разрезав ее на куски, принес ужин в го-
стиную. Эльза выбрала самый узкий ломтик, сняла ноготка-

ми колбасу и положила ее назад на тарелку.

– Значит, ты переспала с кровососом, – буднично сказал Брун, откусывая полкуса пиццы зараз. Эльза возмущенно на него посмотрела, и он добавил: – Судя по месту, где он оставил метку.

– Не переспала. Вампиры не занимаются сексом! Он появился из ниоткуда. Как будто стоял все время в темном углу, наблюдал...

– Скорее всего, – подтвердил Брун.

– У него жуткие глаза – светлые-светлые, как тонкий лед, и сияют, словно вампирское солнце на черной башне. Я лежала в своей кровати, как куль с песком, и не могла пошевелиться, не могла сопротивляться. Знаешь, его взгляд, такой обволакивающий, липкий, как паутина. – Она отпила прямо из бутылки. – Мое сердце чуть не разорвалось, когда он укусил... Боль ужасная. И его язык холодный и шершавый, какой-то твердый, словно кусок бетона прошелся по коже. – Она опустила голову, волосы скрыли лицо каштановой завесой. – Он сказал, что теперь я сама к нему приду.

– Ты ведь понимаешь, что так и будет?

– Пусть хотя бы подождет подольше, – Эльза отбросила волосы, печально улыбнулась.

– Ты обращалась в полицию?

– А как же! Только у этого ублюдка оказалась свободная квота на инициацию.

– Но ведь ты не хотела...

– Он отделался штрафом. И выплатил компенсацию моим родителям. – Эльза поднялась с кресла. – Ладно. Я хочу привести себя в порядок. Где моя комната?

Брун тоже поднялся, взял ее за руку. При упоминании родителей губы ее задрожали, а ведь до этого держалась молодцом. Рука такая тонкая, даже страшно. Погладил большим пальцем хрупкое запястье – пульс бьется ровно и медленно. Похоже, она совсем не волнуется. А вот ему отчего-то боязно. Непонятно, как с такой обращаться.

– Моя спальня, – он кивнул на дубовую дверь в конце коридора. – Раз уж мы решили провести эту зиму вместе...

– С ума сошел? – Она вырвала руку с неожиданной силой. – Я не собираюсь с тобой спать!

– Нет? – растерялся Брун.

– Конечно, нет! С чего ты так решил?

– Ты задрала юбку до трусов через три минуты после знакомства, – рассердился он. – Это наталкивает на определенные мысли.

– А ты бы поверил, если бы я сказала про метку?

Он попросил бы показать, это точно.

– А потом светила коленками, зазывно облизывала губы, трепетала ресницами, – перечислил Брун. – Ты подавала отчетливые знаки!

– Ничего я не подавала! Людям свойственно моргать, знаешь ли. Как тебе такое вообще могло прийти в голову? Посмотри на себя и на меня – это технически невозможно!

– Почему это? – удивился Брун.

– Да ты огромный, как...

– Как медведь?

– Как грузовик!

– У меня были женщины-человечки, никто не жаловался, – возразил Брун. – Наоборот...

– И ты, значит, взял меня в расчете на халявный секс?

– Слушай, когда ты станешь кровососом, то будешь чувствовать все по-другому. Если у тебя вообще останутся чувства. Так что сама подумай – зачем отказываться?

– А ты мой последний шанс потрахаться. Типа, такой акт милосердия с твоей стороны.

– Ой, больно надо! – рявкнул он в ответ и ткнул пальцем вправо. – Гостевая там, рядом с ванной. Разбуди меня ровно в девять. И сделай мне утром кофе, крепкий, три ложки сахара.

– Может, обсудим остальные мои обязанности? Чтобы не было сюрпризов.

– Разберемся по ходу дела. – Он развернулся и пошел в душ. – Если тебе все же приспичит меня укусить – только не в шею.

– Я не стану...

– И выброси свои духи, – перебил он, не дослушав, – отвратительный запах.

Лежа в кровати, Брун слышал, как Эльза ходит по гостиной, в кухонную раковину потекла вода, потом включился

телевизор. Ее аромат проник даже в его спальню и теперь щекотал ноздри невидимым перышком.

«Я так никогда не усну», – сердито подумал Брун и отключился.

* * *

Эльза шаталась по квартире, бесцельно заглядывая во все углы. Она сполоснула бокал, включила музыкальный канал, уселась в кресло, осматриваясь. Взяв початую бутылку вина, отхлебнула прямо из горла. Идея обзавестись оборотнем-компаньоном поначалу показалась ей выигрышным билетом на еще несколько месяцев человеческой жизни. Но какой она будет, эта жизнь?

Эльза подошла к окну,дохнула и нарисовала на запотевшем стекле рожицу. Улыбка получилась скошенной, и Эльза вытерла ладонью рисунок. Дома через дорогу, выкрашенные в яркие цвета, тянущиеся к звездам разномастными башенками, казались аппликацией, вырезанной из детского журнала. Плющ, увивавший полстены напротив, покрылся тонкой коркой льда и чуть мерцал в желтом свете фонарей, словно пушистая шаль, брошенная на озябшие каменные стены. Узкий пешеходный мост хребтом выгибался над дорогой.

Есть еще один вариант, о котором Эльза думала все чаще.

Она может умереть. Яд вампира медленно меняет ее тело, но пока она не попробовала человеческой крови, у нее остался запасной выход.

Эльза втащила чемодан в гостевую комнату, расправила сбившийся складками ковер. Узкая кровать, тумбочка у изголовья, здоровенная бандура часов, тикающих как бомба, и скромный одежный шкаф – прежде в такой не уместились бы даже ее туфли, но все они остались дома. Кровать страдальчески заскрипела пружинами, когда Эльза на нее присела.

– За новоселье! – Эльза глотнула вина, отсалютовав бутылкой своему отражению в полированной дверке шкафа, и тут же подпрыгнула от оглушительного звона. Донн, донн – плыло по комнате, словно Эльзу сунули прямо в огромный колокол.

Донн – донн.

Эльза едва не выронила бутылку, дрожащими руками поставила ее на тумбочку. Часы хрипло выдохнули, и стрелки снова побежали по кругу с громкими щелчками, словно кто-то стоял в углу и цокал языком. На длинных цепочках чуть покачивались гирики в виде шишек.

На улице раздался шум, будто град забарабанил по мостовой. Эльза бросилась к окну, приникла к стеклу и едва не разинула рот от удивления: разношерстный табун мчался по улице, дробя асфальт. Белогривые кони, легкие антилопы, гордые олени с развесистыми рогами скакали бок о бок, высекая искры копытами. Следом потекли хищники: пятни-

стый леопард, играя, прикусил ляжку яркой, как огонь, лисицы, гиена юркнула через дорогу, визгливый хохот отозвался эхом от стен домов, стая волков пробежала дружно, как команда спортсменов. У всех животных в ушах болтались бирки: зеленые, желтые, пару раз мигнул опасный красный.

Эльза предпочитала не высовываться на улицу в час оборотня – когда им позволялось принимать звериное обличье. Но в центре она, самое большое, встретила бы оборотня-лису из соседней пекарни или енота, открывающего двери в гостинице на углу. Все оборотни, с которыми ей раньше доводилось встречаться, были милыми, неопасными зверушками.

В отличие от Бруна.

Когда она вошла в его кабинет, то едва не запаниковала. Перед ней сидел хищник, пусть и в человеческом обличье. Желтая бирка в ухе – знак потенциально опасного оборотня – только подтверждала это. Мохнатые бакенбарды, угрюмо сведенные брови, глаза как угли – черные, но нет-нет да и полыхнут. А уж когда он встал с кресла, выпрямился во весь рост, ее сердце забилося почти так же быстро, как раньше.

По улице проскакала одинокая белая козочка, высоко подбрасывая задние копытца, поскользнулась на обледеневшем асфальте, едва не упав.

Эльза проводила ее взглядом и подошла к часам. Если она не хочет сойти с ума от бесконечного тиканья, хорошо бы их выключить. Раз уж теперь ей придется жить здесь.

В глубине квартиры тихо заиграл гитарный перебор. Эльза стремительно прошла в прихожую, нашла свой телефон в сумочке. На экране высветилось лаконичное «мама». Эльза держала в руках телефон, пока тот не умолк, и положила его назад.

Ранее, этим утром

Эльза вошла в спальню без стука – все равно родителей не было дома: папа умчался на работу, собираясь, как всегда, впопыхах, ругаясь и теряя ключи и документы, мама тихонько прошла по коридору вслед за ним, сняв туфли, чтобы не разбудить дочь, не зная, что та слышит каждый ее шаг.

Флакончики духов на трюмо выстроились в ровную шеренгу, сияя пузатыми боками. Новый запах, которым вчера благоухала мама, напоминал весну – свежий, яркий, радостный. Эльза нашла нужный флакон, щедро брызнула на запястья и шею. Запах – хороший способ заглушить голод. К своим старым духам она привыкла и не ощущала их, как собственную кожу. А вот новые ароматы могли перебить запахи, которыми пропитался дом: ковры после чистки отдавали псиной, папина библиотека пахла теплой пылью, а мамина гардеробная – свежестью стирального порошка с ноткой лаванды. Но через все эти запахи пробивался горячий, пряный аромат крови. От него рот наполнялся слюной, желудок сжимался голодными спазмами, а по телу ледяной волной растекался холод.

Эльза поежилась, разбрызгала духи в воздухе и окунулась в душистое облако.

Еще от голода помогает почистить зубы мятной пастой. В последние дни Эльза драила их по восемь раз на дню. Ее улыбкой теперь можно освещать улицы, вот только улыбалась она все реже.

Она подцепила двумя пальцами мамину шаль, небрежно брошенную на банкетку, укутала плечи и заметила яркие буклеты. Эльза сгребла их, села перед трюмо. Пролистнула первый – фарфоровая посуда, чайный сервиз, букет белых роз размером с куст на столе, сервированном для обеда, – идеальный вариант, если не хочется поддерживать разговор или чтобы вовсе не видеть нежеланных гостей. Следующий буклет предлагал искусственные каминьки, и Эльза умилилась маминой заботе. Она только недавно призналась, что мерзнет. Третий был выполнен в лаконичной манере: белый фон, черный шрифт – пособие по взаимодействию с вампиром. Буклет был мятым, с загнутыми уголками. Эльза раскрыла его посередине, наугад прочитала абзац:

«Чтобы не провоцировать вампиров на агрессию, следует заглушать естественный запах тела искусственными ароматами. Особенно удачными признаются свежие композиции с цитрусовой ноткой».

Эльза перевернула страницу.

«Новообращенные вампиры не в состоянии контролировать голод, поэтому всякое сотрудничество с ними может быть опасным».

Строки были подчеркнуты, а на полях стоял восклицательный знак, пририсованный карандашом.

Теперь, значит, родителям нужна специальная литература, чтобы знать, как обращаться с дочерью.

Брошюра выпала из рук Эльзы и спланировала на пол. Она уставилась на название последнего буклета и некоторое время пыталась осмыслить четыре простеньких слова, написанных черными буквами на алом сердце: «Как пережить потерю ребенка».

Сердце ухнуло о ребра, подскочило к горлу. Эльза отшвырнула буклет прочь, как змею, прижала руки к щекам. Случайно задетый флакон опрокинулся, духи растеклись маслянистой лужицей. Сладкий липкий запах ударил наотмашь. Эльза вскочила, развернулась, чтобы уйти, и увидела новенький блестящий шпингалет на двери.

Эльза вбежала в свою комнату, хватая воздух ртом, хлопнула дверью так, что хрустальная люстра мелодично звякнула. Она обшаривала взглядом знакомые вещи, пытаясь уцепиться за реальность.

Плюшевый мишка, подаренный папой на восемнадцатилетие, – он никак не мог смириться, что его девочка уже

взрослая. В рамочке, усыпанной стразами, фотография – она стоит между родителями, мама смотрит не в объектив, а на нее, во взгляде любовь, от которой щемит сердце. Эльза прижала руку к груди. Сердце отбивало ритм медленно и спокойно, как будто это не ее жизнь только что окончательно разрушилась. Эльза схватила вазу с белыми пушистыми ша-рами гортензии и запустила ею в стену.

Через минуту в дверь постучали. Не дождавшись разрешения войти, в комнату заглянула горничная.

– У вас все в порядке? – спросила она у Эльзы, сидящей на кровати и буравящей стену взглядом. На розовых шелковых обоях расплывалось влажное бордовое пятно. – Я приберу, – сказала она, увидев осколки, усыпавшие паркет.

Она сновала по комнате, споро орудуя смешной зеленой метелкой. Рыжие волосы, заплетенные в тугую косу, выбивались непослушными вихрами надо лбом, завивались мягкими кольцами над ушами и шеей. В правом ухе болталась зеленая бирка, в левом – сережка с крупным зеленым камнем. Мама не любила эту горничную, она и взяла-то ее на работу только потому, что так было принято. Чтобы сберечь репутацию и не прослыть нетолерантной среди своих подруг, мама готова была терпеть в своем доме оборотня.

Горничная быстро смела осколки, собрала цветы в пакет, протерла лужу. Она застыла перед обоями, явно в замешательстве.

– Сами высохнут, – сказала Эльза.

– Принести вам другие цветы? – спросила горничная. – Вам не понравился запах?

– Нет, все в порядке. – Эльза отвернулась, пряча нависшие слезы.

Горничная вдруг подошла совсем близко, положила руку ей на плечо. Эльза вздрогнула от прикосновения, повернула голову. Рука, густо покрытая золотистым пушком, была теплой и мягкой.

– Мне так жаль, – выдохнула горничная, карие глаза, опущенные рыжими ресницами, смотрели с искренним участием. – Так жаль, что с вами это произошло. Если бы я могла чем-то помочь...

– Ты... – голос вдруг стал хриплым, и Эльза откашлялась. – Не боишься меня?

– А должна? – Женщина усмехнулась. – Я ведь лиса. У оборотней не бывает анафилактического шока на укус вампира. Мы не можем обратиться, да вы и не альфа. Вы вообще не вампир.

– Пока что.

– К тому же вампиры редко нападают на оборотней. Вы разве хотите меня укусить?

Эльза замерла, прислушиваясь к себе. Голод никуда не делся, сидел внутри, как злобный пес, готовый сорваться с поводка. Но ей и вправду не хотелось впиться в теплую руку, хотя голубоватые венки были совсем близко.

– Нет, – сказала она наконец.

– Ну вот, – обрадовалась горничная. Она улыбнулась и прикрыла за собой дверь, забрав мусор.

Эльза сгребла к себе плюшевого медвежонка, сжала его в объятиях. Родители ее боятся. Все мелочи приобрели иной смысл. Новые духи, чтобы скрыть запах тела и не спровоцировать агрессию вампира, совместные ужины – она думала, что родители хотят ее поддержать, но, скорее, они боялись оставаться с ней наедине, – нанятый ими психолог, который мягко подталкивал ее поскорее принять решение и даже выдал буклет с адресами пунктов крови.

Эльза уткнула лицо в макушку медвежонка и вдруг вспомнила. Аня, одна из немногих подруг, которые не перестали с ней общаться, правда, по телефону, буквально на днях жаловалась на своего парня. Он сказал, что нашел работу с совместным проживанием у оборотня-медведя: выполнял мелкие поручения, сторожил сон, а по утрам будил его, чтобы тот не впал в спячку. Небось врал, а на самом деле ночевал у какой-то девки – по телефону голос подруги дрожал от возмущения. Аня была вне себя. Но Костя, так, кажется, его зовут, уволился. Сказал, что аллергия. Хорошо, если так, ведь Аня не хочет подхватить какую-нибудь заразу...

Оборотень-компаньон, чей запах не будет вызывать у нее приступов голода и который не станет ее бояться... Она сжала медвежонка сильнее, и тот вдруг лопнул по шву, из спины вылез клочок белой ваты. Эльза отбросила игрушку в сторону. Телефон Кости Аня не даст ей никогда. Слишком ревни-

вая. К тому же она бы подняла Эльзу на смех, узнай ее идею. Эльза взяла телефон, вышла в социальную сеть и тут же нашла Костю в друзьях Ани. Быстро набрала сообщение, боясь передумать. Она гипнотизировала экран взглядом, пока не пришел ответ. Телефон, адрес и совет: «Пусть твой знакомый сто раз подумает перед тем, как наниматься на эту работу». Эльза не стала отвечать. И думать не стала – у нее нет особого выбора. Звонить она тоже не будет. Она придет к медведю сама, убедит его, покажет метку, если нужно. Ей просто нужен рядом тот, кто не будет ее бояться. Кто не станет смотреть на нее как на чудовище. Кто не станет запирается от нее в страхе.

Эльза положила ладонь на плечо, все еще хранившее прикосновение горничной, имя которой она даже не удосужилась спросить. Родители не прикасались к ней уже больше месяца, с тех пор, как анализы показали, что у них обоих аллергия на слюну вампира, и, если вдруг та, что была их дочерью, сорвется, ее укус станет для них последним.

Она вышла из дома через полчаса, гроыхая по гравийной дорожке чемоданом. Завидев плашку такси, прибавила шагу и едва не задела калиткой сухопарого мужчину, выскокившего прямо ей навстречу.

– Эльза?

– Да. – Она глянула на мужчину пристальнее и сконфуженно отвела взгляд. Глубокий квадратный вырез свитера, обнажающий выпирающие ключицы и костлявую грудь, усы-

панную родинками, смотрелся особенно нарочито в конце ноября. Сектант, прихожанин церкви второго пришествия.

– Меня зовут Марк. Твой отец попросил меня зайти. – Глаза невнятного болотного цвета жадно ощупывали ее, словно диковинку.

– Он на работе. Приходите вечером, мама тоже будет дома, они теперь не пропускают семейные ужины. – Она вручила чемодан таксисту, открыла заднюю дверку, но Марк захлопнул ее и положил руку на ладонь Эльзы.

– Он хотел, чтобы я поговорил с тобой. Я пастырь церкви второго пришествия, и мне стало известно, что ты отвергаешь бесценный дар от одного из вечных...

– Я этого подарка не просила, – ответила Эльза, выдернув пальцы из-под липкой ладони пастыря.

Он придвинулся совсем близко, она чувствовала кислый запах его пота, слышала биение сердца.

– Ты не понимаешь его ценности, – изо рта пастыря пахнуло луком.

– Вы лучше шею шарфом замотайте, – огрызнулась Эльза, – чем лук жрать. Простудитесь, охрипнете – как будете пастве свою туфту толкать?

Она оттолкнула его и села в машину, а пастырь остался у калитки. Коротко стриженная седая голова на тощей шее, торчащей из расстегнутого пальто, повернулась вслед такси, и Эльза почти физически ощутила волну ярости, исходящую от этого тщедушного человечка.

Она могла смириться с психологом, на кушетке которого так удобно лежать, но зачем было подсылать к ней этого клоуна? До того, как проклятый вампир укусил ее, отец не называл сектантов иначе, чем голошеими идиотами. Теперь, выходит, они подходящая компания для его дочери. Или скорее для той, что была его дочерью. Ведь своего ребенка родители потеряли.

– Вам куда? – спросил водитель, глянув на нее в зеркало заднего вида.

Эльза нашла сообщение Кости в телефоне и назвала адрес.

Она сидела на заднем сиденье такси, глядя на пролетающие дома, мокрые снежинки таяли на стекле, сбегая вниз косыми ручейками. В машине пахло кожей, сигаретным дымом, едва уловимым запахом рвоты и звериным потом. В остром ухе таксиста болталась круглая зеленая бирка, похожая на мелкое дикое яблочко. Интересно, в какого зверя он превращается?

Большие бархатно-карие глаза опущены ресницами, загибающимися к бровям, густые черные волосы забраны в хвост. Если их распустить, получится знатная грива...

– Скажите, а вы знаете оборотней-медведей? – Эльза затаила дыхание.

– Знаю, конечно. Медведица-коала держит вегетарианский ресторан тут неподалеку, здоровая еда и все такое. Летом панды приезжали, останавливались в палаточном город-

ке за чертой города. Устраивали отличные детские праздники: батуты, клоуны, сладкий стол. Но осенью они подались южнее. – Таксист, похоже, был рад поговорить. – Бурые медведи так съехали на Медвежий остров. Они зимой злые становятся, если не спят: раздражаются по пустякам, прямо как моя теща. Если б точно не знал, что она кобыла, так решил, что медведица. У которой зима – круглый год.

Эльза отвернулась, провела пальцем по влажной дорожке на стекле. Вот, значит, как. Оборотень-компаньон может оказаться непохожим на плюшевого мишку.

* * *

Эльза, крадучись, направилась к комнате Бруна. Тихонько толкнула дверь, и та открылась нараспашку. Оборотень спал на огромной кровати, раскинув руки, широкие ладони свешивались с краев. Она слышала тихое дыхание, чувствовала, как равномерно бьется большое сильное сердце, разгоняя по телу горячую кровь. Обострившимся зрением она видела даже вены на его запястье. Эльза глубоко вдохнула, втянув звериный запах, и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Глава 2

– Просыпайся, медвежонок!

Высокий голос Эльзы вошел в его ушную раковину словно сверло дрели.

– Солнышко встало, утро настало!

Брун повернулся на спину, поморгал, разлепляя глаза. Эльза раздвинула шторы, но солнца, вопреки ее обещаниям, не было видно за серой хмарью. Зато аккуратная круглая по-па в бежевых шортах выглядела очень симпатично.

– Открывай глазки, мишка!

– Ты что, пьяная? – хрипло спросил он.

– Может быть, – задумалась Эльза. Она села на его кровать, скрестив ноги по-турецки: ногти выкрашены алым лаком, пятки розовые, как у котенка. – Мне теперь почти не нужен сон, так что я пила вино и думала. Скажи, ты не обиделся, что я тебе отказала? Дело не в том, что ты оборотень. Хотя раньше я только с людьми... но не потому, что у меня какие-то предрассудки, нет.

Брун повернулся на бок, страдальчески зажмурился.

– У меня в принципе мало опыта такого рода. Ну, ты понимаешь. Я решила озвучить, что не считаю тебя человеком второго сорта.

– Спасибо, – буркнул он.

– Хотя ты очень волосатый, – заметила она. – Волосатые плечи – это уже перебор. Я могу посоветовать тебе отличный крем для депиляции...

– Ты кофе сделала?

– Сейчас. – Кровать отпружинила под ее весом. – Я решила сделать, когда ты встанешь, чтобы кофе не успел остыть.

Эльза скрылась за дверью, и Брун тихо застонал. Неужели ему придется терпеть ее трескотню всю зиму?

В ванной он едва смог найти пену для бритья среди батареи разномастных баночек, оккупировавших единственную полку под зеркалом, и это тоже не улучшило его настроение. После душа он надел майку и штаны, прошлепал босиком на кухню. Эльза поставила перед ним дымящуюся чашку, тарелку с омлетом.

– Вот. Я приготовила завтрак. Пришлось погуглить рецепт, но я справилась. Я хочу сказать, что благодарна тебе. Мне правда некуда было пойти. Спасибо.

Она уселась напротив. На фоне окна ее волосы отдавали рыжиной, как у лисы.

– Ты гуглила омлет?

– У нас дома есть повар. – Она пожала худенькими плечами.

– Понятно. – Кофе оказался таким, как он любил, и это несколько примирило его с жизнью. – Почему сама не ешь?

– Нет аппетита, после укуса я даже похудела на три килограмма. Так что в этой ситуации есть свои плюсы.

Она что, хвастается?

– Ты очень худая.

– Ну, знаешь, это ты слишком толстый, – возмутилась

Эльза.

– Это мышцы!

Эльза скептически на него посмотрела, задержав взгляд в районе живота, и Брун добавил:

– К тому же медведи всегда набирают вес перед зимой.

– Сколько ты вешишь?

Эльза – в шортах и белой майке, с волосами, забранными в задорный хвост на макушке, – выглядела совсем юной. Она на третьем курсе, значит, ей лет девятнадцать-двадцать. Десять лет разницы – и целая жизнь. А весит она примерно втрое меньше, чем он. Вот только озвучивать это почему-то не хотелось.

– Давай немного помолчим, – невежливо предложил Брун, зацепив вилкой кусок омлета. Эльза открыла рот и захлопнула. Вот и умница.

Омлет оказался пересоленным.

* * *

На парковке Эльза забежала вперед и легко справилась с заедающей дверкой. Усевшись в огромный «Тахо» демон-

стративно отвернулась к окну, поджав губы. Что интересно-го она там увидела? Дома, плотно прижатые друг к другу, словно в попытке согреться? Выщербленный асфальт? Брун почувствовал легкий укол вины. Девчонке и так непросто, а тут он – чуткий и внимательный, как медведь.

– Куда тебя подбросить? – спросил он.

Эльза отвернулась сильнее. Еще немного, и шею себе свернет.

– Эльза, с утра я не в духе. И чем дальше зима, тем хуже, – покаялся Брун. – Теперь я проснулся, взбодрился и готов тебя выслушать.

– Знаешь, так даже лучше, – фыркнула она. – Раз ты ведешь себя грубо, то и я не буду с тобой милой!

– Ты была милой? – искренне удивился Брун. – Так куда тебе?

– В смысле – куда? – огрызнулась Эльза. – Куда ты – туда и я.

– Подожди, – нахмурился Брун. – Похоже, нам и вправду надо обсудить наше деловое партнерство. Ты что же, собираешься приклеиться ко мне, как банный лист?

– А ты думал, я сидела всю ночь в твоей халупе, увешанной коврами, в качестве благотворительности? Теперь твоя очередь мне помогать.

– И что конкретно ты хочешь? – Он выехал на улицу, включил дворники, едва поспевающие смахивать мокрую снежную кашу.

– Чтобы ты не дал мне сорваться. – Эльза снова отвернулась к окну.

– Давай определим степень твоего голода, – задумался Брун. – Как сильно тебе хочется вцепиться мне в глотку?

– Тебе – вообще не хочется, – отрезала она. – Ты собираешься что-нибудь делать со своими волосами? Они у тебя только что на веках не растут. Порядочному вампиру и укусить-то некуда. Как представляю – полный рот волос, – она скривилась и сунула два пальца в рот.

– То есть ты все-таки это представляешь, – заметил он. – Мечтаешь и смакуешь детали... Ладно, и как я пойму, что ты собираешься кого-нибудь продырявить?

– Несложно догадаться, – пожала плечами Эльза. – У меня учащается дыхание, начинают выпирать клыки...

– Ты же не думаешь, что я стану ловить каждый твой вздох? Давай придумаем стоп-слово. Что-нибудь нейтральное.

– Гортензия, – предложила Эльза. – У нас во дворе самые шикарные гортензии во всем Центральном круге. Они даже сейчас цветут в оранжерее.

– Сразу нет. Скорее всего, я забуду это слово уже через пять минут, и когда ты его скажешь, не пойму, чего ты хочешь.

– Прости, я забыла, что мозг оборотня плохо усваивает информацию.

– Нормально он все усваивает, – огрызнулся Брун. – Хо-

чешь сложное слово – пусть будет осциллограф.

Эльза замолчала, сосредоточенно перебирая губами, и Брун удовлетворенно хмыкнул.

– Нет, осциллограф слишком заумно, – признала Эльза.

– Давай просто – красный. Цвет опасности и крови, которой обливается мое сердце, когда я думаю, во что ввязался.

– Не жалуйся. Я же тебя разбудила. Причем без особых проблем. Красный! – воскликнула вдруг Эльза, и Брун резко затормозил на зеленый сигнал светофора. Сзади возмущенно засигналили.

– Проверка, – сказала она. – Ты должен был схватить меня за руку.

Брун тихо зарычал и нажал на газ.

– Лобзик, – буркнул он. – Запомнишь?

– Дурацкое слово.

– Не такое дурацкое, как гортензии. А что с твоими родителями? – спросил он. – Почему они не могут держать тебя за ручки?

– Они меня боятся, – помрачнела Эльза. – Они прикрутили на дверь спальни шпингалет и читают брошюры на тему «Как пережить потерю ребенка». Похоже, я так сильно изменилась после укуса, что перестала быть их дочерью.

– Фигово, – оценил Брун. – А ты на самом деле изменилась?

– Пожалуй, – задумалась Эльза. – Раньше я была веселее, общительней.

– Серьезно? Еще общительнее? Выходит, мне повезло не застать тебя на пике формы.

Эльза криво улыбнулась.

– Когда друзья узнали про укусы, то почти все отвалились. А некоторые, наоборот, пытались сблизиться и даже будто завидовали. Моя лучшая подруга просила ее укусить.

– Она бы не стала вампиром. Только альфа может инициировать.

– Я в курсе. Но у нее бзик на упырях. Анализ определил, что она в двадцати процентах счастливиц, – Эльза дважды загнула пальцы, заключая слово в кавычки, – которые могут обратиться. Ну, знаешь, без аллергии на вампирские слюни. Она каждый месяц ходит сдавать кровь в пункты переливания. И она постоянно выносила мне мозг, что я должна испить ее крови... В общем, с ней мы поругались.

– Так себе друзья.

– Кто бы говорил! – вспыхнула Эльза. – Что-то я не вижу добровольцев, готовых провести с тобой зиму. А ведь работенка непыльная!

– Это поначалу, – ответил Брун. – С каждым днем мне все сложнее будет просыпаться. На механические будильники я почти не реагирую, а вот присутствие посторонних чую. В фазе глубокого сна я могу обернуться спонтанно. Мало кто хочет будить медведя.

– Разве ты не контролируешь себя в зверином обличье? – удивилась она.

– Не всегда, – неохотно признался Брун.

– Почему ты так не хочешь в спячку? – рыжие глаза загорелись любопытством.

– У меня есть дела, – скупое ответил он, заезжая на стоянку.

– Ночью я погуслила: у оборотней-медведей, которые не впадают в спячку, сокращается продолжительность жизни.

– А у некоторых медведей во время спячки жизнь и вовсе может неожиданно прерваться. Приехали.

Пока Брун возился с ключом, открывая дверь офиса, Эльза стояла рядом, внимательно рассматривая блестящую металлическую табличку с черными буквами, которой Брун втайне гордился.

– Что еще? – не выдержал он.

– «У Бруна»? Серьезно? – сказала она. – Ты, я так понимаю, кто-то вроде частного детектива?

– Частные расследования, да.

– «У Бруна» – звучит как харчевня.

Брун выпрямился, распахнул дверь и вошел первым, оставив Эльзу в коридоре.

– Что вообще за имя – Брун? – Она догнала его в приемной.

– Кто бы говорил! У тебя ужасное имя!

– Эльза? Что с ним не так? Простое и мелодичное.

Брун сжал зубы, тщаь объяснить, но в итоге махнул рукой.

– Брун – а полное имя Брундон? – Эльза повесила шубу на спинку стула и уселась за стол в приемной на место Кости. Сегодня она оделась скромно и непритязательно – синие широкие джинсы, ботинки на грубой подошве и черная водолазка, – но смотрелась все равно куда лучше своего предшественника. – Брунислав? Брунгильда?

– Просто Брун. Второе имя Ррун. Брун Ррун Торн.

Эльза недоуменно на него смотрела несколько мгновений, а потом вдруг расхохоталась. Она смеялась так искренне и заразительно, что Брун против воли тоже улыбнулся.

– Ты серьезно? Это твое имя? – переспросила она, вытирая подступившие слезы. – Брун Ррун Торн? Родители решили назвать тебя в честь звука, с которым заводится железный монстр, на котором ты едешь? Согласись, смешное имя. Ты и сам улыбаешься.

– Ты очень красивая, когда смеешься, – заметил он, все еще улыбаясь.

Теплые карие глаза, глядящие на него, вмиг посерьезнели, и Брун вдруг смутился, быстро прошел в кабинет и уже оттуда попросил:

– Сделай мне еще кофе.

Когда Эльза вошла в кабинет, карниз снова висел над окном, а чуть примятая штора собралась в узкий ручеек сбоку окна. Девушка поставила чашку перед Бруном, прищурившись, посмотрела на окно.

– Я знаю, что криво, – сказал он, пряча молоток в полку

стола и заранее раздражаясь.

– Почти незаметно, – успокоила его Эльза. – Будут поручения?

– У меня сейчас встреча. Проведешь клиентку ко мне и потом улыбнешься ей на прощание. Постарайся вести себя уважительно и не давать мне непрошенных советов.

– Это каких? Ты, случайно, не обиделся за то, что мне не нравится название твоей фирмы? Или за то, что утром я назвала тебя толстым и волосатым? – уточнила Эльза.

– Я не обиделся, – терпеливо возразил Брун, пригубил обжигающий кофе. – Просто води себя как нормальный секретарь.

– А потом, раз у тебя на сегодня так мало дел, пойдем по магазинам.

– По магазинам? – Брун едва не поперхнулся кофе.

– Ты ведь не хочешь, чтобы я на кого-нибудь набросилась? В местах скопления людей мне сложно контролировать себя. Кто тогда тебя разбудит? Вряд ли меня будут волновать твои проблемы, когда я стану вампиром.

– Вряд ли они тебя и сейчас волнуют. Ты просто отрываешься на мне за месяцы вынужденной изоляции. Послушай, отчего бы тебе не позвонить какой-нибудь подруге? По телефону ты не сможешь никому пустить кровь, выговоришься, и мне станет легче тебя терпеть.

– И о чем мне с ними говорить? Я не хожу в академию – меня отстранили от занятий, потому что я не прошла медко-

миссию. Я не была на вечеринках, с той самой... Я даже по магазинам уже два месяца не ходила!

– Можешь обсудить с ними меня, – щедро предложил Брун, – и все мои многочисленные недостатки.

– Не прыгавай с темы, – пресекла его попытки Эльза. – Мне нужно что-то вместо шубы, что-то более подходящее для Звериного квартала.

– Ладно, шопинг, – выдавил он с отвращением. – Иди в приемную.

– Есть! – Эльза отсалютовала ему ладошкой. – Кстати, а что за клиентку ты ждешь? Чем конкретно ты сейчас занимаешься?

– Пытаюсь понять, как я так влип, – пробурчал Брун.

* * *

Клиентка, густым контральто представившаяся по телефону Айседорой Дробовицкой, оказалась хрупкой старушкой с лиловыми буклями и тонкой полоской розовой помады на высохших губах. Эльза догадалась принести из приемной свой стул, и Айседора присела на краешек, держа осанку как графиня. Ее шубу, графитовую норку, Эльза унесла в приемную, делая большие глаза. Брун сразу вспомнил, что не предусмотрел вешалок.

– Меня хотят ограбить, – заявила Айседора без прелюдий. – Мой покойный супруг собрал внушительную коллекцию предметов старины. Он был известным композитором и дирижером симфонического оркестра, мы много путешествовали. Александр Дробовицкий, вы наверняка слышали это имя.

Брун неопределенно кивнул, оперся подбородком на сцепленные кисти рук. Он не имел понятия, кто это такой, и ничего не смыслил в классической музыке, но терять клиентку не хотелось.

– После смерти Алекса я решила систематизировать коллекцию. Мой супруг был творческой личностью, видя гармонию в хаосе, я же предпочитаю порядок.

Она выдержала паузу, и Брун, встрепенувшись, одобрительно кивнул. Старушка и сама выглядела как древний экспонат, постаревшая куколка: сиреневые завитки один к одному, на бежевом кардигане жемчужная брошь, серьги к ней в комплект, ногти на руках, усыпанных пятнами, выкрашены розовым. Юбка целомудренно скрывает колени, что радует. Не хотелось бы повторения вчерашней сцены в другом исполнении. Брун одернул сам себя и сосредоточился на клиентке.

– Я разделила экспонаты по эпохам и культурной принадлежности, составила полный перечень. Однако некоторые вещи, на мой взгляд, не имели особой ценности, и я выставила их на аукцион, надеясь к тому же поправить финан-

совое положение, пошатнувшееся после кончины Алекса.

– Соболезную вашей утрате, – пробормотал Брун.

– О, я нисколько не жалела расставаться с этими безделушками, – махнула рукой старушка, не вполне поняв оборотня. – До последнего дня я думала, что это было лучшим решением в моей жизни. Ведь за одно кольцо я получила больше ста тысяч сторнов.

– Ого! – удивился Брун.

– О-го-го, – самодовольно улыбнулась Айседора, заправив лиловый завиток за ухо. – Я, как и вы, пребывала в глубочайшем изумлении. Ведь кольцо не представляло собой ничего особенного: серебро, овальная вставка из красной яшмы, никакой магии. Честно говоря, до того, как мне перечислили деньги, я была уверена, что это ошибка. Но после аукциона вокруг моей коллекции возник нездоровый интерес. Я получила несколько предложений интервью от репортеров, желающих непременно проникнуть в мой дом, меня бомбардируют письмами другие коллекционеры, требуя перечень экспонатов, а позавчера неизвестный проник в хранилище.

– Что-нибудь пропало?

– Только лишь мое спокойствие, – сокрушенно покачала головой Айседора.

Эльза аккуратно открыла дверь бедром, протиснулась в кабинет, держа чашку, исходящую паром.

– Вы обращались в полицию?

– Да, я написала заявление, но, поскольку ничего не про-

пало и следов взлома нет, его у меня даже не взяли.

– Но вы уверены, что кто-то был в вашем доме, – утвердительно сказал Брун.

– Вампир, – скривилась Айседора.

Чашка в руках Эльзы звякнула о блюдец.

– В коллекции есть довольно редкий предмет – камень фей, который меняет цвет при приближении упырей, – пояснила старушка. – Когда я вернулась с прогулки и, как обычно, прошла в хранилище, чтобы проверить уровень температуры и влажности, камень еще мерцал. Если бы я вернулась на полчаса позже, то ничего бы не заметила.

– Окна и двери были заперты?

– Да. И прислуга клянется, что никто не заходил.

– Если это был старый вампир, то он мог внушить им это, – сказала Эльза. Она поставила чашку на стол, улыбнулась старушке как ни в чем не бывало.

– Именно! – согласилась та. – Они только делают вид, что подчиняются законам. А сами плюют на них с этой своей башни, тень от которой рассекает весь город! Толерантность сыграла с нами, людьми, плохую шутку. Все после того случая в двадцать втором, когда кровосос обратил дочку министра. Все поправки к законам, принятые для уравнивания особ в правах, – от лукавого. Вампиры, ведьмы, лепреконы и прочая нечисть паразитируют на человечестве! Надо было уничтожить особ в место всех этих глупых поправок. – Она осеклась, поймав мрачный взгляд Бруна. – Хотя против

оборотней я ничего не имею. Вы могли бы жить в заповедниках.

– Хорошо, я мог бы взяться за ваше дело, – согласился Брун, мысленно приписывая нолик к счету, который он выставит, – но пока не совсем понимаю, чего вы хотите. Состав преступления как такового нет.

– Дело в том, что все репортеры, коллекционеры и прочая шелупонь интересовались, есть ли у меня другие предметы «вампирской» тематики, помимо кольца Бальтазара, – ответила старушка, она отпила из чашки, оставив на белом краешке тонкий розовый след.

– Кольцо Бальтазара? И оно связано с вампирами?

– По-видимому. Но мне об этом неизвестно. Я хочу, чтобы вы узнали, что им всем нужно. И не продешевила ли я с кольцом. – Она хохотнула, выпила еще глоток чая.

– У вас остались фотографии кольца?

– Да, я ведь размещала его фото на сайте аукциона.

– Я могу осмотреть хранилище?

Айседора задумалась, окинула Бруна внимательным взглядом, явно что-то прикидывая.

– Боюсь, вы в него не поместитесь, – сказала она наконец. – Возьмите свою девочку-секретаршу.

– Я без нее никуда, – вздохнул Брун.

Договорившись с Айседорой о времени визита и выпроводив ее из офиса, Брун мрачно посмотрел на Эльзу.

– Шопинг? – Она выпрыгнула из-за стола, мгновенно накинула шубку.

– Мне надо еще кое с кем встретиться, – сказал он.

– А потом...

– Да... Я же обещал.

– Ладно, – милостиво согласилась Эльза. – Поехали на встречу.

Метель унялась, но небо повисло над городом тяжелым смятым одеялом: того и гляди полезет снежный пух. В грязной каше на дороге пролегли две глубокие колеи для колес, машина скользила по ним, как по лыжне. Через несколько кварталов Брун свернул на пустую стоянку, припарковался.

Эльза вышла из машины, запрокинула голову вверх, рассматривая вывеску. Гамбургер размером с летающую тарелку опасно накренился над парковкой. Нарисованный кетчуп облупился и потемнел до бордового, словно запекшаяся кровь.

Открыв тугую стеклянную дверь, Брун пропустил Эльзу вперед.

– Кафе? – удивилась она. – Мы ведь час назад завтракали!

Брун лишь хмыкнул. Он уселся на потрепанный кожаный диванчик, подгреб к себе меню. Эльза повесила шубу на рогатую вешалку и опустилась на стул напротив, с любопытством изучая заведение. Плетеные перегородки, разделяющие кафе на секторы, были обвиты живыми цветами, картины в виде фальшивых окон зрительно раздвигали пространство. В первом окне была улица, блестящая от недавнего дождя, в лужах отражалась радуга и плясали солнечные зайчики. Вторая картина изображала лавандовые поля – ровные сиреневые ряды, тянущиеся к закатному солнцу. Из третьего открывался вид на пустынное побережье с полосатым маяком, такой реалистичный, что оттуда будто бы тянуло солоноватой свежестью моря.

– Привет, Брун. Тебе как обычно? – полноватая официантка в желтом платье, немилосердно обтягивающем все ее складочки, облокотилась на стол и мягко улыбнулась. Острые ноготки впились в деревянную столешницу.

– Мне томатный сок, – сухо обозначила свое присутствие Эльза.

– Привет, Марта, – ответил Брун. – Как обычно и еще вишневый пирог. Я гляжу, у вас малоллюдно.

– Да, после завтрака народ разошелся, а время обеда еще не подошло. Не ожидала увидеть тебя до полудня. Неужели медведю не спится зимой? – Она томно выгнулась, облизала Бруна взглядом.

Брун молча протянул ей меню, скупой улыбнувшись. Офи-

циантка выпрямилась, царапнув ноготками стол, и наконец удостоила Эльзу взглядом. Зрачки в зеленых глазах сжались в узкие щелки. Марта сморщила нос, тихо фыркнула и ушла на кухню, покачивая крутыми бедрами.

– Кошка. Не любит других самок на своей территории, – пояснил Брун.

– Как-то это не очень для бизнеса, – заметила Эльза.

– Сюда в основном полицейские заходят, – Брун кивнул на отделение через дорогу. – А там женщин мало.

– Мы встречаемся здесь с полицейским?

– Нет.

– Хоть с человеком?

– С оборотнем. Но мы тоже люди, ты даже признала, что не второго сорта.

Эльза поерзала на стуле.

– Ты раньше работал в полиции?

– В БОРе, – ответил Брун, снова кивнув на полицейский участок. – Бюро особых расследований. Туда попадают дела, связанные с оборотнями, вампирами и прочими не второсортными людьми.

– И за что тебя поперли? Дай угадаю – за то же самое, из-за чего бирка в твоём ухе пожелтела.

– Да ты прям детектив, – усмехнулся Брун.

– Так что ты натворил?

– Может, это не твоё дело?

– А может, мне стоит знать, раз уж мы живём вместе?

Эльза чуть повысила голос, будто специально, чтобы Марта, которая как раз подошла к ним, услышала. Официантка громко брякнула поднос на стол, кофе в стеклянном чайнике колыхнулся и едва не выплеснулся.

– А если это что-то страшное, то ты вернешься домой? – Брун подвинул поднос к себе, с наслаждением втянул пар, исходящий от овсянки. Располовинив свежую булочку, он намазал ее толстым слоем масла, положил внутрь ломтик ветчины.

– Вряд ли, – признала Эльза, наблюдая за его действиями. – Но за серьезное преступление тебя бы упекли за решетку, а потом выпустили с красной меткой в ухе. Так что предположу, что провинность была мелкой. Ты не там припарковался? Нецензурно выражался в людном месте? Украл печенье в магазине? Судя по тому, сколько ты ешь, тебе вряд ли хватает денег на еду.

– Пей свой сок, – добродушно предложил Брун. – Я угощаю. Заодно помолчишь хоть немного.

– Я угадала? – Эльза взяла солонку и несколько раз потряхнула ее над стаканом.

– М-мм, – Брун покачал головой. – Я обернулся.

– Днем? В общественном месте?

– Угу. Спонтанный оборот. Ничего интересного, – уклончиво ответил Брун. – О, вот и Клиф! Привет, зверюга!

На стул рядом с Эльзой плюхнулся мужчина. Лицо, пятнистое, как яйцо перепелки, было таким смятым и кривым,

будто его вылепил из пластилина трехлетний ребенок. Глаза, прячущиеся в складках подпухших век, явно косили.

– Брун, все еще не в спячке. Ты знаешь, что на тебя в «Козлином копыте» делают ставки? Десять к одному, что ты все-таки уснешь.

– Есть новости?

– Немного, но, я смотрю, у тебя тоже есть что рассказать. – Клиф повернулся к девушке. Один его глаз смотрел на нее, а другой в фальшокно с маяком, и Эльза немного растерялась. Широкий нос дернулся, ноздри раздулись. – Ты опять связался с человечкой? Вы ведь не оборотень, прекрасная леди. Что же вас привлекло в таком старом ворчуне, как мой мохнатый друг?

– Я очень милый, – ответил Брун, делая себе еще один бутерброд.

– Я не...

– Не леди? Что ж, ночка явно была горячее, судя по аппетиту Бруна. Но вашей репутации ничего не грозит. – Он поджал губы и сделал движение рукой, будто застегнул рот на молнию.

– Ничего у нас не было, – с достоинством произнесла Эльза. – А Брун, похоже, всегда столько жрет.

– Эльза, – Брун ткнул в ее сторону откушенной булкой, – это Клиф. Он та еще гиена, так что не обращай на него внимания.

Клиф притворно вздохнул.

– Да, прекрасная Эльза, не обращай на меня внимания, я привык к роли тени, – сообщил он трагическим тоном. – Привык к тому, что остаюсь невидимым, пока и лавры, и женщины падают к медвежьим лапам.

– А ты что, популярен? – удивилась Эльза, глядя на Бруна, сосредоточенно жующего бутерброд, и незаметно отодвигаясь подальше от гиены и маслянистых глаз, смотрящих в разные стороны.

– Брун у нас почти знаменитость. Особенно после того, как едва не сожрал охотника, – ответил вместо него Клиф.

– Стоп, так вот что произошло! – воскликнула Эльза. – А ты говорил – ничего интересного.

– Ничего интересного? – возмутился Клиф. – Он обернулся медведем посреди бела дня и разнес половину полицейского участка! Охотнику повезло – офицер успел затолкать его в камеру и закрыть на ключ. Так это животное чуть не перегрызло стальные прутья! Следы от клыков Бруна до сих пор показывают любопытным. Если б не ходатайство шефа и безукоризненный послужной список, наш медведь бы не отделался отставкой и желтой биркой.

Эльза с любопытством посмотрела на Бруна, уткнувшегося в тарелку с кашей.

– Так дама свободна? – уточнил Клиф.

Брун откинулся на спинку дивана, с сожалением посмотрел на опустевшую тарелку и взял кусок пирога, сочащегося вишневым джемом.

– Нет, – отрезала Эльза. – Мы с Бруном теперь живем вместе.

– Она меня будит, – пояснил Брун, наливая из стеклянного чайника полную кружку кофе.

– Ты взял ее вместо того хлыща с аллергией, – понял Клиф. – Я бы тоже не отказался, чтоб меня будила такая крошка. Хотя с такой я бы и не уснул. – Он медленно облизнул кривые клыки и подмигнул Эльзе косящим глазом. Круглая зеленая бирка, похоже, была единственной правильной деталью в его внешности.

– Давай к делу, – сказал Брун, прожевав пирог. – Что интересного?

– Хм, дай подумать. – Гиена задрал подбородок с редкой бородашкой, поскреб шею. – Этой ночью подрались два клана волков – Ррыта и Ауруна, пришлось применять водяные пушки. Со шпиля церкви второго пришествия, что на Каштановом бульваре, снимали рысь. Детенышу всего десять. Забрался наверх, а вниз никак. Ох, задала ему мать по заднице, визг стоял на весь кошачий квартал. Ничего, заживет. На южном шоссе произошла авария. Один из участников – упырь. На него фура по встрече выехала, так этот мертвяк вышел из горящей машины, смятой, как консервная банка, отряхнул свой пижонский пиджачок и ушел.

– Клиф, разве это интересно? – возмутился Брун. – Волки дерутся каждую ночь, это не новость. А вампиры практически неуязвимы.

– В кланах серых разброд и шатание, – глубокомысленно заявил Клиф. – После того, как умер Эддруг, они никак не могут определиться с единым вожаком. Так и перегрызут друг друга. А в происшествии с вампиром меня удивило не то, что упырь остался невредим, а скорее то, что он вообще попал в аварию, с их-то реакцией!

– Что-нибудь еще? – без особой надежды спросил Брун.

– Пропал еще один медиум, – сообщил Клиф. – Я узнал это через свои каналы в центре, преступление не для БОРа. Человечка, тридцать шесть лет, Майя Соболевская. Постоянно с полицией не сотрудничала, но привлекалась к розыску пропавших людей, показала неплохие результаты.

– Четвертый медиум за последние два месяца, – задумался Брун. – Кто-то что-то ищет.

– По охотникам ничего нового, – чуть виновато добавил Клиф. – Кроме одной мелочи.

– Давай, не томи, – разом помрачнел Брун.

– В интернете выплыл сайт с объявлением, что сезон охоты открывается через три дня. В первый день зимы. Сайт на бесплатном хостинге, отследить хозяина не удалось. Его прикрыли боровцы.

Брун нахмурился и, залпом выпив кофе, налил еще чашку из кофейника.

– А для меня у тебя что-нибудь есть? – в голосе гиены прозвучали жалостливые нотки.

– Сегодня встречался с клиенткой. Но пока что-то непо-

нятное. Вроде как ее обокрали, но непонятно, украли что-нибудь или так заходили, посмотреть.

– Люблю запутанные истории. – Клиф снова облизнулся, повернулся к Эльзе. – Я репортер. Мастер пера и клавиатуры, высекаю искры из человеческих сердец, охочусь за сенсацией.

– Сплетни, грязные подробности и домыслы на пустом месте, – пояснил Брун.

Клиф, несколько не обидевшись, скабрёзно ухмыльнулся.

– Иногда самые невероятные домыслы оказываются истинной, – глубокомысленно произнес он. – Эльза, твое лицо кажется мне знакомым.

– Мы точно не встречались. – Она схватила стакан и пригубила густой соленый сок.

– Ладно, Клиф, к большому моему сожалению, у нас с Эльзой есть планы. – Брун выгреб из кармана несколько купюр, положил на столик. – Закажи вишневый пирог, очень вкусно.

– Пока, верзила. Эльза, – Клиф схватил ее руку прежде, чем она успела среагировать, и припал к ней долгим влажным поцелуем, – было приятно познакомиться.

Эльза кивнула, сдернула шубу с вешалки и поспешила за Бруном, тайком вытирая руку о джинсы. Она задержалась у зеркала, поправила волосы, застегнула шубку и, выходя из кафе, столкнулась с мужчиной.

– Простите. – Она шагнула в сторону, но мужчина вдруг

схватил ее за локоть. Пальцы сжались на руке до боли. Эльза вскинула на него взгляд, вздрогнула. Темные, как вишни, глаза, алая бирка в ухе, широкий сплюснутый нос. Стеганая куртка распахнута, под ней – голое тело, вязь татуировки стекает по крепкой груди под пояс штанов.

Эльза дернула рукой, пытаясь высвободиться, но оборотень перехватил еще сильнее, пальцы второй руки скользнули по меху.

– Натуральный, – хрипло сказал он. – Ах ты, маленькая живодерка. А если б тебя так.

Он вдруг схватил Эльзу за волосы, потянул так сильно, что ее голова запрокинулась. Огромная капля облезлого кетчупа с вывески зависла прямо над ней. Эльза взмахнула свободной рукой, не глядя, наотмашь влепила пощечину. Оборотень отлетел от удара, впечатался в стену, бордовые лепестки высохшей краски обсыпали его как невесту на свадьбе. Он недоверчиво потрогал щеку, на которой алел отпечаток ладони, утробно зарычал, шагнул к Эльзе.

– Она со мной. – Брун вырос перед ней как скала. – Остынь, Аурун.

Оборотень приняхался, сплюнул.

– Ты не умеешь выбирать женщин, Брун.

– Есть такое, – согласился тот и подтолкнул Эльзу к машине. – Садись.

Эльза подбежала к «Тахо», вскарабкалась на сиденье, ее руки дрожали, и она раз за разом не попадала замком ремня

в паз.

– Дай я. – Брун перехватил ремень безопасности, защелкнул.

Когда они отъезжали, оборотень все еще стоял перед кафе, наблюдая за машиной. Мелкое снежное крошево падало на смуглую обнаженную грудь, от которой поднималась легкая дымка пара.

– Вот позер, – неодобрительно заметил Брун. – А ты умеешь заводить друзей! Аурун – лидер одного из кланов волков. А ты его по морде. Сильна, конечно, не ожидал... Вот что с тобой делать? – Он сокрушенно покачал головой. – Эй, ты чего, плачешь?

Он повернулся к Эльзе. Ты шмыгнула носом, быстро вытерла щеки и отвернулась.

– Ты в порядке?

– Лучше всех, – мрачно ответила Эльза. – Просто испугалась. А где ты был, когда этот качок выдирает мне волосы?

– Он сделал тебе больно? – Брун быстро глянул на нее.

– Нет, только, кажется, рукав порвался, – она просунула пальцы в прореху. – Ты, выходит, знаешь этого придурка?

– Немного.

– Вы теперь вроде как в ссоре из-за меня?

– Я арестовывал его раз пять, так что мы никогда не были друзьями, – усмехнулся Брун. – Рассказывай, куда ехать. Я-то могу отвезти тебя в магазин, где сам обычно одеваюсь, но вряд ли ты его одобришь.

– Поезжай прямо до Звездного бульвара, знаешь, где это? – Эльза выпрямилась на сиденье, воодушевленно высматривая дорогу. – Слушай, а все оборотни так агрессивны относятся к мехам и вообще защите животных? Какой-то оголтелый гринпис! Этот волк мне чуть скальп не снял! А ты едва не сожрал охотника...

Брун искоса на нее глянул, помрачнел.

– В конце концов, ты ведь хищник, ты ешь мясо, ветчину, бекон, а его, знаешь ли, не из воздуха берут, – рассуждала вслух Эльза. – Откуда такая нетерпимость?

– Мы зовем их охотниками. – Пальцы Бруна, сжимающие руль, побелели. – Они и сами себя так называют. Но то, что они творят, – не охота. Ты знаешь, что во время спячки оборотни принимают звериный облик?

Эльза неуверенно кивнула.

– Не только медведи спят зимой. Барсуки, еноты... Шкуры оборотней отличаются от обычных звериных – величиной, подшерстком, мягкостью кожи, – продолжил Брун. – Они высоко ценятся некоторыми уродами.

Эльза смотрела прямо перед собой, и без того бледная, она побелела как мел.

– Это ведь убийство, – прошептала она.

– Да. Мы зовем охотниками серийных убийц оборотней. Они убивают их спящими, а потом сдирают шкуры на трофей. Или продают коллекционерам.

– Брун...

Быстрая слеза скатилась по ее щеке.

– В прошлую зиму погиб мой отец.

– Это сделал тот охотник, из-за которого ты обернулся?

– Нет, – из груди Бруна вдруг вырвалось тихое рычание, верхняя губа вздернулась, показывая крепкие белые зубы, черную десну. – Но я найду того самого.

Глава 3

Перед торговым центром Эльза остановилась, взглянула в нерешительности на сияющие витрины.

– Мне немного страшно, – призналась она.

– Отлично, давай не пойдем. – Брун развернулся назад к машине, но Эльза цепко ухватила его за руку.

– Даже не надейся, – сказала она.

Прохладная ладонь Эльзы спряталась в горячей лапе, как замерзшая птичка. Охранники покосились на желтую бирку в его ухе, но останавливать не стали. В сопровождении человека потенциально опасным оборотням позволялось посещать общественные места. Однако Брун заметил, что один из охранников – самый здоровый – двинулся за ними следом. Брун про себя усмехнулся. Знали бы они, что куда большую опасность представляет хрупкая девчонка, что идет с ним рядом и пялится на витрины с восторгом ребенка, впервые попавшего в цирк.

– Сюда, – Эльза ринулась в павильон, – ты только погляди, какие оттенки зеленого! Новая коллекция!

– Цвета моей тоски, – вздохнул Брун, но Эльза как паровоз уже потащила его к вешалкам.

– А давай и тебе что-нибудь подберем. Знаешь, если тебя приодеть и побрить, ты будешь выглядеть не таким пуга-

ющим.

– Что-то я не заметил, чтобы ты меня боялась.

– Мне бояться уже поздно, – философски заметила Эльза. – Самое плохое уже случилось.

– Вам помочь? – продавщица материализовалась за Эльзой, но Брун оттер ее плечом.

– Лобзик? – спросил он.

– Пока вроде нет, – ответила Эльза. – Спасибо, мы сами. – Она улыбнулась растерявшейся продавщице и вытащила вешалку с бирюзовым балахоном.

– Мне кажется, это великовато, – заметил Брун. – Ты в нем утонешь.

– Это для тебя. – Эльза приложила к нему вешалку, оценивающе прищурилась, пышный волан расплескался у него на груди морской волной.

– Великолепный выбор, – пискнула из-за прилавка продавщица. – Хит сезона.

Брун взял вешалку из рук Эльзы и повесил назад на стойку.

– Давай бери какую-нибудь куртку – и пошли.

– Ох, Брун Ррун Торн, ты не умеешь наслаждаться процессом, – нараспев произнесла Эльза, перебирая шейные платки, сложенные в большом коробе.

Брун внимательно посмотрел на девушку, но, кажется, она сказала это без подтекста.

– Как раз таки умею, – ответил он.

– Вот этот хорошенький, правда? – Она перевесила через руку скрученный в жгут платок. – Такой интересный оттенок, пыльно-малиновый.

– На дождевого червя похож, – кивнул Брун.

Эльза бросила на него убийственный взгляд и вернула платок на место. Она потянулась было к пальто с меховым воротником, но отдернула руку.

– Пойдем еще погуляем, присмотримся. – Она взяла его под локоть, повела из павильона. – Мне нужны домашние туфли, хотя, ты знаешь, по твоим коврам удобно и босиком...

Она замерла, будто наткнувшись на стену. Брун проследил за ее взглядом и увидел парня с девушкой, на вид – ровесников Эльзы. Парень – высокий и стройный, с волнистыми светлыми волосами, уложенными как у кинозвезды, – тоже не отрывал от них глаз. Прохладные пальцы Эльзы сжали руку Бруна.

– Эльза. – Парень шагнул вперед, но, похоже, передумал подходить ближе. – Ты все еще...

– Это возмутительно! – воскликнула его спутница, фигуристая блондинка в лисьей шубе до пят, расстегнутой будто нарочно, чтобы продемонстрировать и глубокий квадратный вырез, и стройные ноги в ботфортах. – Куда смотрит охрана?

Охранник, следящий за Бруном от самого входа, подошел ближе, буркнул что-то в рацию.

– Она – новообращенный вампир! – блондинка указала

пальцем на Эльзу. – Молодым вампирам нельзя в общественные места, они не умеют себя контролировать.

– Уймись, Вероника, я не вампир пока что, – сказала Эльза, перевела взгляд на парня. – Я смотрю, ты быстро нашел мне замену.

Тот собирался ответить, но Вероника его перебила:

– А что, он должен был уйти в монастырь? – Она теснее прижалась к парню, по-хозяйски поправила на его шее полосатый шарф. – Он рассказал, как ты чуть не загрызла его во время секса. Есть предел и для страсти, знаешь ли.

Рука Эльзы так сжалась, что Брун зашипел от боли.

– Пойдем отсюда, – он потащил Эльзу к выходу.

– А твоей зверюшке нравится, когда ты кусаешься, да, Эльза? – выкрикнула Вероника вслед.

Брун помог девушке забраться в машину, закрыл за ней дверцу, сел за руль. Эльзу колотило, она укуталась в шубу, спрятала лицо в ладонях.

– Эй, – Брун отвел прядь волос от ее лица, – ну все, успокойся.

Эльза глянула на него темными как ночь глазами, и он отдернул руку.

– Что там у тебя произошло с тем белобрысым? – спросил он.

– Это мой бывший парень.

– Да я уж понял.

– Вероника была моей подругой.

– Это та самая, что предлагала тебе свою кровь?

Эльза кивнула.

– Аппетитная, – оценил Брун.

Эльза посмотрела на него с негодованием, и он с облегчением заметил, что ее глаза возвращаются к привычному чайному оттенку.

– Если кусать, то ее, а не того выпендрежника с шарфом. У него букли, как у Айседоры, только цвета другого.

Пока Эльза возмущенно хватала воздух ртом, он добавил:

– Так что, ты поэтому не стала заниматься со мной сексом? Боишься потерять контроль и укусить?

– Нет! – выпалила Эльза. – Не только, – добавила чуть тише.

– Потому что мы можем решить этот вопрос.

– В смысле? – не поняла Эльза. – Меня можно сделать опять человеком?

– Нет, конечно, – ответил Брун, выруливая с парковки. – Но я мог бы тебя зафиксировать. Или, допустим, сзади...

Эльза стукнула его сумочкой, и Брун, втянув голову в плечи, рассмеялся.

* * *

Магазин, в который он привез Эльзу, находился в Звери-

ном кольцо, на самой окраине. Лес, укрытый белой шубой, протягивал хвойные лапы к городу, но подходить ближе не решался.

Брун потянул на себя дверь, выкрашенную бирюзовой краской, придержал перед Эльзой.

– Может, все не так уж плохо, – сказал он. – Смотри, двери в тренде.

Эльза только вздохнула, обреченно поднялась по ступенькам. В тесном помещении стояли продолговатые стойки с одеждой, развешанной так туго, что палец не просунешь. На стеллажах виднелись развалы свитеров.

– Добрый день, я могу вам чем-нибудь помочь? – Продавец сложил руки на животе, уставился на них темными глазами навывкате. Эльза незаметно приняухалась, оценивая свои ощущения. Мелкий чернявый мужичок с залысинами пах, как хомячок, который жил у нее в детстве: мокрыми опилками и кукурузой. Кусать его не хотелось.

Но клыки в последнее время чесались так, что хоть волком вой.

– Да, девушке нужна куртка, – сказал Брун. – А мне – выйти. Эльза, я могу оставить тебя здесь на полчаса? Люди сюда не заходят.

– Вы от кого-то прячетесь? Если хотите, я могу закрыть магазин. Все равно сейчас мертвое время. – Он кивнул Бруну на примерочную в углу. – Выход там.

– Да, я помню, – ответил Брун. – Эльза, ты как?

– В порядке. А ты куда?

– Мне надо немного размяться, – объяснил Брун. – Выпустить зверя. За чертой города это позволяется в любое время.

– Ладно, я подожду тебя здесь.

Он внимательно посмотрел на нее, кивнул и скрылся за шторкой.

– Вот это, полагаю, подойдет, – продавец показал ей вешалку с длинным бордовым пальто, которое наверняка носила еще его бабушка, и Эльза взяла его не глядя. Она рассеянно улыбнулась продавцу, прижала пальто к груди.

– Может, предложите что-нибудь покороче? – попросила она и, когда мужчина отвернулся к стойкам с одеждой, быстро подошла к окну.

Брун шел к лесу, ступая босыми ногами по снегу. Эльза стыдливо потупила взгляд, но через мгновение посмотрела на оборотня снова. Он взмахнул руками несколько раз, наклонил голову к одному плечу, ко второму, разминая шею. На спине взбугрились мышцы, плечи раздалились еще шире. Эльза прикусила ноготь, не сводя глаз с Бруна, боясь даже моргнуть. Смуглая крупная фигура на белом фоне темнела, постепенно сутулилась, тяжелела. Вскоре он опустился на четыре лапы, позвоночник выгнулся дугой, вытянулся... К елкам трусил медведь, мотая крупной мохнатой башкой, оставляя глубокие следы в нетронutom снегу. Яркая желтая бирка в ухе сверкнула солнечным зайчиком.

– Будете мерить?

Эльза вздрогнула от вопроса, повернулась, щеки вспыхнули от смущения.

– Да-да, конечно. – Она взяла у продавца куртку и пошла в примерочную.

Брун вернулся через полчаса, зашуршал за шторкой одеждой. Эльза подобралась, повернулась к нему как ни в чем не бывало.

– Выбрала что-нибудь? – спросил он, выходя из примерочной.

Эльза встала с банкетки, отставив недопитый стакан с водой на прилавок, покрутилась перед ним в простеньком синем пальто, посмотрела вопросительно. Темные волосы разметались вокруг лица, карие глаза лукаво сверкнули.

– Тебе идет, – признал он и повернулся к продавцу. – Сколько?

– Эльза уже рассчиталась, – радостно ответил тот, сияя глазами-бусинами.

– Да ты небось ободрал ее как липку! – возмутился Брун.

– Вовсе нет, – степенно возразил продавец. – Мы поменялись: я согласился взять ее старую порванную шубу взамен этого великолепного пальто из настоящей шерсти.

– Ты из этой шубы сто воротников нашьешь, – хмыкнул Брун, – и помпонов на шапки. И продашь в сто раз дороже. Ладно, спасибо. Пойдем?

Продавец открыл перед ними двери, чуть ли не кланяясь

на прощанье. Стылый воздух ворвался в магазин, и Эльза поежилась, подняла воротник пальто.

– Мерзнешь? – спросил Брун.

– Этот холод изнутри, – ответила Эльза. – Что в шубе, что без нее – без разницы.

– Я знаю отличный способ согреться! – заявил Брун, садясь в машину.

Эльза хмуро глянула на него исподлобья, пристегнула ремень.

– И это не то, что ты подумала.

– Да ладно.

– Хотя твой вариант мне тоже нравится.

– Нет уж, говори, что за способ?

– Давай подеремся!

– Ты в своем уме? – возмутилась Эльза.

– Ты сегодня отшвырнула Ауруна как котенка, – напомнил Брун. – Я хочу выяснить, насколько ты сильная. Может статься так, что я не смогу тебя удержать, сколько бы лобзиков ты не сказала.

Эльза задумалась, отвернулась к окну, за которым проплывали приземистые дома Звериного кольца.

– Меня никогда не били, – призналась она.

– Оно и видно, – пробурчал Брун в сторону.

– Ты ведь знаешь, что у меня обострился слух после укуса? – поинтересовалась Эльза. – Я прекрасно слышу твой бубнеж. Возможно, в твоем предложении и есть смысл, но...

это ведь больно!

– Не бойся, я буду с тобой нежен, – Брун ухмыльнулся, глянув на нее.

– Мы все еще про драку? – уточнила она.

– Какую драку?

– Слушай, после того, как ты побегал голышом по снегу, ты прям сам не свой!

– Ты подсматривала! – с притворным возмущением воскликнул Брун.

– Мне было любопытно, – призналась Эльза, улыбаясь. – Это впечатляет.

– Что именно?

– Всё. Как это происходит. Тебе больно?

– Жизнь вообще болезненная штука, Эльза, – сказал Брун, поворачивая в переулок. – Тебе ли не знать? Но ты права, я всегда немного на взводе после оборота. Выброс гормонов. Эндорфины, дофамины, адреналин – целый коктейль.

Он притормозил возле пустыря.

– Давай, врежешь мне пару раз! – Брун вышел из машины, поманил Эльзу рукой. – Тебе надо выплеснуть эмоции. Снять стресс.

Эльза открыла дверцу машины, ступила на снег. Сумочка съехала с плеча, и она аккуратно ее поправила.

– Ну подходи. – Брун пружинисто подпрыгивал на месте, как боксер, подняв кулаки к лицу. – Покажи, как дерутся

крутые девчонки из Центрального округа.

– Девушки не дерутся, – ответила Эльза. Она все же сняла сумку с плеча, положила ее на сиденье машины и подошла к Бруну на расстояние шага. – Мы знаем более цивилизованные способы решения проблем.

– Да брось. – Брун опустил руки, посмотрел на нее с наигранным разочарованием. И Эльза стремительно взмахнула рукой. – Я ждал подвоха, – довольно оскалился Брун, легко отклоняясь от пощечины. – Как называется эта техника? Смотрите, какой у меня классный маникюр?

– Что мне делать?

– Сожми руку в кулак, – Брун обошел ее, стал позади, – да боже мой, большой палец не прячь, он должен быть снаружи, – он поправил ее пальцы, чуть приобняв, показал, где держать руки. – Ничего, что у тебя такие маленькие кулаки, удар злее будет. Согни ноги в коленях, не так сильно, расслабься.

Он шагнул вперед, стал перед Эльзой.

– Давай, только не по лицу, нам еще к Айседоре ехать. Бей в корпус.

Эльза выдохнула и стукнула Бруна в живот. Кулак отпружинил, как от резиновой груши.

– И все? – удивился он.

– Послушай, я не хочу. – Эльза опустила руки, посмотрела на него снизу вверх. – Зачем это?

– Как зачем? – Брун легонько толкнул ее в плечо, разза-

доривая. – Ты на меня работаешь, помнишь? А если ночью ко мне заявится Аурун – отомстить спящему медведю, который в свое время пересежал почти весь его клан, а заодно и девчонке, которая так позорно его приложила?

– Я тебя разбужу, – неуверенно ответила Эльза.

– А если не получится? Подними руки повыше, локти не растопыривай.

Она ударила снова.

– Очень плохо, – сказал Брун. – Я почти не почувствовал. Представь на моем месте ту сочную цыпочку, что увела твоего дохляка.

Эльза помрачнела, ударила снова.

– Получше, но все равно слабо, – оценил Брун. – Давай, представь, что я тот самый упырь.

Губы Эльзы дрогнули, глаза превратились в щелки, она ударила, другой рукой, и еще, Брун шагнул назад. Снежный наст провалился под его весом, он взмахнул рукой, удерживая равновесие, и Эльза отлетела от случайного удара, опрокинулась на спину.

– Ты в порядке? – Он кинулся к ней. – Я случайно!

Она села, прижала руку к рассеченной губе, недоуменно посмотрела на кровь на своих пальцах. Глаза стремительно потемнели так, что не стало видно зрачка, губа вздернулась, клыки выдвинулись вперед.

– Только не глотай кровь! – воскликнул Брун. Он схватил ее, перевернул, как куклу, поставив на четвереньки, сгреб

волосы в жменю. – Слышишь? Не глотай! Выплевывай!

Кровь капала, впитываясь в белый наст. Брун набрал снег свободной рукой, прижал к ее губе. Эльза хрипло дышала, ее руки задрожали, едва не подкосились. Брун выбросил пропитанный кровью снежок, зачерпнул еще горсть. – Дыши спокойнее! – Брун глубоко вдохнул, выдохнул. – Вместе со мной.

Эльза сипло втягивала воздух, выдыхала.

– Ты как? Я правда не нарочно.

– Брун... – ее голос сорвался. – А вдруг я уже обратилась? – прошептала Эльза. – Как понять?

Брун положил руку ей на грудь, и она возмущенно оттолкнула его.

– Чего ты меня лапаешь?!

– Я проверял, бьется ли сердце, – пояснил Брун.

– И как? – Она села на снег, пригладила растрепавшиеся волосы, досадливо поморщившись, потрогала рассеченную губу. Кровь уже не текла.

– Бьется, – ответил Брун. – И в целом там... все хорошо.

Эльза возмущенно фыркнула, встала, отряхнула снег с пальто и села в машину, хлопнув дверцей так, что с дерева сорвалась стайка перепуганных воробьев. Брун вздохнул и тоже пошел в машину.

– Вот было бы тупо, если бы я обратилась, глотнув собственной крови, – мрачно сказала Эльза.

– Больно? – Брун взял ее за подбородок, но Эльза оттолкнула.

нула его руку.

– Не трогай меня!

– Хочешь, лизну?

Эльза ошарашенно на него посмотрела.

– Быстрее заживет, – пояснил он.

– Знаешь что! – возмущенно воскликнула она.

– Что?

Она запнулась, подбирая слова.

– Ты плохо справляешься со своими обязанностями! – выпалила она наконец. – Мы договорились – я тебя бужу, а ты не даешь мне сорваться. И что в итоге? Ты, можно сказать, в первый же день собственноручно вливаешь кровь мне в глотку!

– Ты меня уволишь? – Он завел машину, тронулся с места.

Эльза отвернулась к окну. Горло немилосердно жгло, соленый запах крови кружил голову. Она потрогала припухшую губу изнутри языком, и клыки тотчас отозвались, вытягиваясь.

– Купи мне томатного сока, – попросила она. – И соль.

Брун посмотрел на нее.

– Прости, – сказал он, – я правда не хотел.

– Я знаю, – ответила она спокойно. – Ничего страшного.

* * *

Из-за угла вышел Аурун. Он не спеша подошел к месту драки, обошел истоптанную площадку по кругу, присел у алого пятна на снегу. Куртка распахнулась, обнажая татуированную грудь, и он, пожившись, застегнул ее на молнию. Оборотень поскреб ногтем снег, пропитанный кровью, поднес к лицу. Широкие ноздри затрепетали. Аурун задумчиво растер снег между пальцами и посмотрел вслед уехавшей машине.

* * *

– По-видимому, покойный дирижер Дробовицкий на самом деле умел махать руками, – заметил Брун, разглядывая двухэтажный дом из красного кирпича за высоким чугунным забором.

Эльза залпом допила сок из литровой коробки, промокнула губы платком и спрятала его в сумочку.

– Как ты?

– Лучше, – ответила Эльза.

– Уверена, что не вонзишь клыки в ее морщинистую шею, как только мы переступим порог дома?

Эльза угрюмо на него посмотрела.

– Со мной ведь идешь ты – гарантия безопасности старушки Айседоры. Кстати, ты не обсудил с ней гонорар.

– Даже не знаю, сколько с нее брать, – неохотно признался Брун. – Дело такое непонятное. Я мало работал с информацией. Обычно я занимаюсь охраной, выбиванием долгов...

– Работаешь тупой физической силой, – подытожила Эльза. – А стандартная такса за день у тебя есть? Или за час?

– Я же не проститутка, – возмутился Брун.

– Ладно, предоставь это мне.

Эльза вышла из машины, уверенно нажала на звонок у ворот, выбросила в урну пустую пачку из-под сока.

– Частные расследования, Брун и Эльза, – громко сказала она в домофон. – По личному приглашению Айседоры Дробовицкой.

– Брун и Эльза? – пробормотал он, пропуская ее в открывшиеся ворота. – Не помню, чтобы предлагал тебе долю в своем бизнесе.

Эльза улыбнулась, но тут же, поморщившись, прикоснулась ко все еще саднящей губе. Бок о бок они прошли по расчищенной от снега дорожке и поднялись на крыльцо, где дворецкий уже гостеприимно придерживал открытую дверь.

– Добро пожаловать, – глухо сказал он.

Ореховые глаза цепко просканировали их с ног до головы,

задержавшись на желтой метке Бруна и разбитой губе Эльзы. Дворецкий чуть сутулился, будто стесняясь высокого роста, густые седые волосы напоминали шерсть, а бирка в ухе зеленела как трава.

Хозяйка дома ждала их в холле, одетая в элегантный брючный костюм мятного цвета. С лиловыми волосами, взбитыми в облачко вокруг головы, она походила на хрупкий цветок.

– Вы пунктуальны, – одобрила она. – Идите за мной. Оскар, позаботься о верхней одежде.

Угрюмый оборотень-дворецкий взял в охапку куртку Бруна и пальто девушки, скрылся в гардеробной. Айседора пошла вперед, цокая каблуками туфелек по полу, выложенному мозаичной плиткой, иногда оборачиваясь, чтобы убедиться, что они не отстают.

Хранилище разместилось в подвале дома: десять ступеней вниз, узкая дубовая дверь с кодовым замком. Вытянутое прямоугольное помещение открылось перед ними как пенал. Окон нет, в вентиляционные отверстия не пролезет и хорек. Мягкий свет заструился от противоположной стены, рассыпая диковинные тени.

– Здесь все, – Айседора обвела комнату широким жестом.

Слева на стене висели картины: весенний пейзаж, букет полевых цветов, портрет девочки с болонкой на руках. На длинном столе высились статуэтки, вазы и предметы, о назначении которых Брун мог только догадываться. Эльза про-

шла вдоль длинного стеллажа, остановилась у открытой шкатулки, полной разноцветных бусин.

– И что из этого вампирское? – спросил Брун. Он стоял на пороге, чувствуя себя как слон в посудной лавке.

– Понятия не имею, – пожала плечами Айседора. – Я не люблю вампиров, мой муж знал об этом и вряд ли бы стал тащить в дом что-то, связанное с кровопийцами.

– А кольцо? – спросила Эльза.

– Это подарок давней поклонницы, – Айседора скривилась, как будто съела лимон. – Отвратительный вкус был у женщины. А вот, кстати, камень фей, который выдал мне непрошеного визитера.

Камень, осколок небесной синевы, стоял на тонкой ножке из белого металла. Эльза подошла к нему, настороженно всматриваясь в синюю глубину. Камень молчал.

– В хранилище можно попасть через эти двери, и все, – подытожил Брун. – Код знаете только вы?

– Верно.

– Я заметил, что цифры на вашем замке нажимаются с определенным звуком. Любой оборотень может подобрать код, если хоть раз слышал, как вы его набираете. К примеру, дворецкий.

– Оскар работает у нас уже лет двадцать, – отмахнулась Айседора. – Оборотень-волк. Я полностью ему доверяю. Оскар по-собачьи предан нашей семье. Меня волнует, что в хранилище был вампир, а не оборотень. К тому же волки не

переносят кровососов. Это что-то врожденное, заложенное в генах, вы и сами знаете.

– Вы предположили, что вампир мог повлиять на прислугу – заставить забыть о его визите, – вспомнил Брун.

– Это вполне вероятно, так ведь? – кивнула Айседора.

– Оборотни неподвластны всем этим ментальным вампирским штучкам, – сказал Брун.

– Вы уверены? – нахмурилась старушка. Нарисованные брови съехали к переносице.

– Абсолютно.

Эльза, краем уха прислушивающаяся к их беседе, осторожно прикоснулась к камню фей кончиками пальцев, и тот вдруг сверкнул, озарил короткой синей вспышкой хранилище. Девушка отшатнулась от неожиданности, толкнула спиной стеллаж. Тонкая белая ваза, увитая зеленой вязью, печально покачнулась и, как в замедленной съемке, устремилась на пол. Брун прыгнул вперед, едва не сбив Айседору, подхватил вазу за горлышко у самого пола.

Айседора смотрела на Эльзу, хватая воздух ртом, щеки ее побледнели, полосы румян выделились, как боевая раскраска индейца.

– Она... ты... – она указала дрожащим пальцем на Эльзу.

– Я не вампир! – выкрикнула Эльза.

– У нее бьется сердце, я сам проверял, буквально полчаса тому, – невпопад поддакнул Брун. Он поставил вазу на место, взял Эльзу за руку, боком направился к выходу.

Айседора обмахнулась ладонью, вынула из кармана брюк кружевной платок и промокнула лоб.

– Боже мой, как я испугалась, – призналась она. – Да, я вижу – у вас губа прикушена, а у вампиров не бывает ссадин... Чертовы неуязвимые мертвецы! Терпеть не могу упырей! Если бы оказалось, что вы привели в мой дом кровососа, без предупреждения и разрешения, которого я бы никогда не дала... Я бы вас засудила!

– Похоже, камень сломался, – соврал Брун. – Вот и разгадка.

– Поправьте вазу, – приказала Айседора после паузы. – Вы ее криво поставили. Повезло, что вы успели ее поймать, все же животные реакции гораздо быстрее человеческих. Эта ваза старше меня раз в пять, а я, знаете ли, выгляжу гораздо моложе своего возраста.

Она спрятала платок в карман, вышла из хранилища, держа осанку.

– Пройдемте в кабинет, – сказала она. – Я дам вам перечень экспонатов, а заодно обсудим ваш гонорар.

В кабинете Бруну понравилось куда больше. Кресло, куда Айседора предложила сесть, было широким и удобным, поддерживающим спину, как добрый друг. Хозяйка дома скрылась за массивным столом на львиных лапах, и Бруну пришлось вытянуть шею, чтобы разглядеть ее.

– Итак, с первым вопросом мы разобрались, – Эльза уселась во второе кресло, закинула ногу за ногу, – но вас

по-прежнему интересуется, что же надо корреспондентам и коллекционерам, докучающим вам.

– Все верно, – кивнула Айседора, разглядывая Эльзу с легкой неприязнью. – Знаете, вы все-таки очень бледная.

– На диетах сидит, – подал голос Брун. – Ох уж эта молодежь.

Айседора осуждающе поджала губы и глянула на оборотня.

– Вот перечень экспонатов, которые есть в коллекции. Убедитесь, что в ней не затесалось ничего вампирского. – Она подвинула к краю стола лист бумаги в прозрачном файле. – Не желаю хранить в доме предметы с такой темной энергетикой. И еще. Мне нужна информация: все, что сможете узнать о кольце и его предыдущей хозяйке.

– Зачем вам это? – спросил Брун. Он взял файл и поерзал в кресле. Спина после оборота нещадно чесалась. – Вы ведь его продали.

– Дело в том, что я собираюсь написать книгу, – призналась Айседора. – Великая муза. Источник гения. Мемуары Айседоры Дробовицкой.

– Вот как? – только и смог выдать Брун.

– Я вдохновляла Алекса всю жизнь, была его единственной любовью, светочем творчества, путеводной звездой...

– Понятно, а кольцо-то тут при чем? – не удержалась Эльза.

– Мне нужна интрига. Яркие детали. Подробности. Та

женщина, что подарила кольцо, ничего не значила для Алекса. Однако тень соперницы сделает мою фигуру ярче. Она подарила моему мужу редкое драгоценное кольцо, которое сводит с ума коллекционеров по всему миру, а он выбрал меня. Вернее, выбора и не существовало – ведь я была для него единственной. Вы понимаете?

– Нужен антагонист, – кивнула Эльза. – Победа над антигероем.

– Вот именно! – воодушевленно воскликнула Айседора, одобрительно посмотрела на девушку, забыв о неприязни. – Узнайте все о ней. Кажется, ее звали Маржета.

– А фамилия? – спросил Брун.

Айседора только пожала плечами.

– Здесь вся личная переписка Алекса, – она кивнула на картонную коробку из-под телевизора. – Возможно, вы найдете зацепку.

Брун подошел к коробке, открыл ее и с ужасом посмотрел на письма, которыми она была забита доверху.

– Да это же...

– Три тысячи сторнов, – сказала Эльза. – И еще три тысячи, когда мы проанализируем имеющуюся информацию.

– Сколько? – ахнула Айседора.

– Мы гарантируем вам конфиденциальность, – пообещала Эльза. – Вы ведь не хотите, чтобы самые пикантные подробности выплыли в прессе еще до выхода книги?

Старушка задумчиво замотала головой.

– И тысяча сверху за то, что мы определили полонку камня, – добавил Брун.

– Да там на пять минут работы было! К тому же это чистой воды случайность! – воскликнула Айседора. – Вы нагледете, молодой оборотень. Две тысячи сейчас, две потом. И ни сторном больше. Иначе найду других желающих покопаться в грязном белье.

– Идет, – сказал Брун. Он подхватил коробку под дно, приподнял, ухнув от тяжести.

– Я подожду, пока вы выпишете чек. – Эльза сердито глянула на Бруна и тут же обворожительно улыбнулась клиентке.

* * *

– Зачем ты влез? – выпалила Эльза, как только они сели в машину. Коробку Брун утрамбовал в багажник, порадовавшись его вместительности. – Я бы сторговалась с ней на пяти тысячах. Она и сама помнила о камне, уж поверь. И чувствовала себя обязанной.

– А тебя не волнует то, что мы обманули бедную старушку? – спросил Брун. – Вампир был в ее доме. Камень работает как надо.

Эльза замолчала, нахмурилась.

– И с этим Оскаром, который все еще стоит на крыльце и наблюдает за нами, что-то нечисто. Вампир не мог пройти мимо оборотня незамеченным или загипнотизировать его, – добавил Брун. – Но в чем-то Айседора права: у волков сильно чувство стаи, а остальных они терпеть не могут, в том числе и вампиров.

Высокий дворецкий обдал их на прощание неприязненным взглядом и скрылся за дверью.

– Она сама виновата, – неуверенно пробормотала Эльза. – Засужу и все такое. У нас не было выбора.

Брун хмуро глянул на нее.

– Надеюсь, вампир уже рассмотрел ее вазы и больше не явится.

– Куда мы едем? – спросила Эльза.

– Я голоден, – коротко ответил Брун. – Готов лошадь съесть.

Эльза повернулась к окну, и Брун вдруг понял, что не имеет и малейшего понятия о том, какой голод мучает ее.

– Ты молодец, – сказал он, покосившись на ее тонкий профиль. – Мне бы и в голову не пришло просить больше тысячи. Может, я на самом деле возьму тебя в партнеры.

– Вряд ли наше партнерство будет долгим, – ответила Эльза, рисуя пальцем по стеклу. – Камень фей уже признал во мне вампира.

– Но ведь не сразу, – заметил Брун, – не сразу...

Глава 4

– Брун! Проснись же!

Прохладная ладонь похлопала его по щеке, пальцы бесцеремонно оттянули веко.

– Вставай-вставай, уже девять! Слушай, я всю ночь перебирала письма Дробовицкого и сделала важный вывод.

Брун разлепил один глаз и посмотрел на Эльзу. Она сидела на его кровати в уже знакомых бежевых шортах и болтала ногой.

– Проснулся? Отлично! В общем, Алекс Дробовицкий – козел. Он полностью разочаровал меня как личность. У него источников вдохновения и светочей было в каждом городе по паре, так что Айседора очень польстила себе, когда назвалась единственной музой. Это просто поразительно – как человек, писавший музыку пронзительной чистоты, мог быть настолько неразборчивым и непорядочным в личной жизни!

Она воздела глаза к потолку и покачала головой.

– Ты слышал оперу, поставленную по его музыке? «Сильфида и герой».

Брун повернулся на бок и накрыл голову подушкой.

– Нет? Я так и думала.

Кровать отпружинила, скрипнула дверь шкафа.

– Что ты там ищешь? – спросил Брун, выглянув из-под

подушки.

– Смотрю, есть ли у тебя что-нибудь приличное, что можно надеть в театр. Или хотя бы без катышков.

Эльза передвинула пару вешалок, сняла одну с черным джемпером, отставила руку и оценивающе на него посмотрела.

– Какой еще, к лешему, театр? – удивился Брун, приподнимаясь в кровати.

– Я купила билеты на сегодня, – ответила Эльза, повесив джемпер на место. – По интернету. Взяла места в крайнюю правую ложу, где всего два кресла. Правда, на сцену будем смотреть чуть сбоку, зато вероятность, что я на кого-нибудь накинусь, очень мала.

– Зачем так рисковать? – обеспокоенно спросил Брун, садясь в кровати. – Не проще ли послушать музыку дома? Одумайся, Эльза, там столько аппетитного народа, все люди...

– Гляди, как ты сразу взбодрился, – улыбнулась Эльза. – Вставай, я сделаю кофе.

Она вышла из комнаты, а Брун откинулся на подушку и застонал.

После душа он прошел на кухню, где его уже ждала тарелка с омлетом и кофе.

– Коллекция Александра Дробовицкого похожа на его жизнь, – сказала Эльза, наливая себе томатный сок в стакан. – Такая же беспорядочная. Никакой системы. Китай Средних веков, Древний Египет, русская гжель. Кроме кам-

ня, есть еще крыло феи, которое, по идее, снимает головную боль.

– Мне бы оно сейчас не помешало, – пробурчал Брун. – Твой голос с утра меня просто убивает.

Эльза хмыкнула, отпила из стакана глоток и облизала губы. Ссадина почти зажила, хотя нижняя губа показалась Бруну немного припухшей.

– А вот твой приятель сказал, что у меня очень приятный голос, и он был бы счастлив познакомиться со мной лично.

– Какой еще приятель? – Брун закинул в рот кусок омлета, поморщился. Надо бы намекнуть, что с солью она перебарщивает.

– Он звонил около восьми утра, я решила тебя не будить. Такой вежливый, обходительный. Кшистоф. Сказал, что был бы рад тебя увидеть.

– Эльза. – Брун проглотил омлет не жуя. – Вспомни, пожалуйста, дословно, что именно он сказал. Рад или очень рад?

Эльза задумчиво потеревала прядь волос, накрутила на палец.

– Он сказал: передайте, пожалуйста, Бруну, что я был бы очень-очень рад увидеть его сегодня, а заодно и вас, милая девушка. Он поляк, этот Кшистоф? Он немного шепелявит.

– Он оборотень-рысь и начальник бюро особых расследований, – мрачно ответил Брун. – И нам надо явиться туда как можно скорее.

В участке было шумно, несмотря на утро. Трое полицейских яростно спорили над каким-то отчетом, потрясая в воздухе бумагами. На лавке рыдал подросток, размазывая по лицу сопли и слезы. Из камеры в дальнем углу доносился сочный храп. Две девушки в форме красили ногти ярко-алым лаком прямо за рабочим столом, и запах плыл по участку удушливой волной. Брун прошел между столами, отвечая на дружеские приветствия, остановился перед белой дверью. Выдохнул, посмотрел на Эльзу.

– Чего ты волнуешься? – спросила она. – Он ведь такой милый и вежливый...

– Он в бешенстве. Очень-очень рад на моей памяти он был лишь раз, когда увольнял меня с работы. Как сейчас помню. Сказал: я очень-очень рад, что могу предоставить тебе, Брун, возможность отдохнуть и поразмыслить о жизни. И потом еще полчаса орал.

Брун постучал и открыл дверь.

Крепкий коренастый мужичок расплылся в улыбке, так что кончики коротких рыжих усов приподнялись, встал с кресла и протянул Бруну короткопалую руку, поросшую бурими волосами.

– Брун! Наконец-то. А я уж думал, ты забыл дорогу и при-

дется за тобой кого-нибудь отправлять, с мигалками и сиренами, и решеткой на окошке машины...

– И вот я здесь, – вздохнул Брун. – Что случилось?

– Вчера поступило заявление от Давида Даримова. У него пропала дочь. Обычно мы не принимаем заявления менее чем через три дня после пропажи. Мало ли – девушка могла задержаться у подруги, нового кавалера. Но тут особый случай. Его дочь два месяца назад инициировал вампир. Громкое дело, ты должен был слышать. Девушка не изъявляла согласия, но чем-то очень приглянулась альфе.

Эльза вздохнула и села в кресло для посетителей.

– Так вот. Пропала Эльза Даримова. Брюнетка девятнадцати лет, карие глаза, рост сто шестьдесят пять сантиметров, телосложение субтильное.

– Нормальное телосложение, – пробормотала Эльза.

– Особые приметы: бледная кожа, удлинённые клыки, дикое чувство голода и жажда крови, – продолжил Кшистоф. – Трансформация в вампира идет полным ходом, так что она необычайно сильна и психически неустойчива.

Брун насмешливо глянул на Эльзу.

– Смеешься, – заметил Кшистоф. Он сложил руки в замок, по-отечески посмотрел на Бруна и вдруг рывкнул на весь кабинет так, что Эльза подпрыгнула в кресле: – Ты в своем уме вообще, Брун?! Ты что творишь?! Я еле отмазал тебя от тюрьмы! Я надеялся, что через полгода можно будет поднять вопрос о твоём восстановлении, а ты ходишь по го-

роду с вампиршей под ручку!

– Я не вампир, – вставила Эльза, но Кшистоф даже не посмотрел на нее.

– Ты отправляешься на Медвежий остров, прямо сейчас, – обманчиво спокойно сказал он. – Спишь там до весны, а в апреле приходишь ко мне, и я постараюсь взять тебя в штат. А ты, – Кшистоф глянул на Эльзу, – идешь в башню и проходишь все процедуры согласно протоколу.

– Нет, – сказала Эльза.

Рыжий мужичок склонился над столом, прозрачные желтые глаза вспыхнули.

– Я ведь могу тебя туда и доставить, с ветерком.

– С какой стати? – вспыхнула Эльза. – Вы не имеете права ограничивать мою личную свободу, я ничего не нарушила!

– Пока ничего, но это вопрос времени. – Он дернул себя за ус. – Да, инициация была совершена не по форме, согласие не было подписано. Это прецедент. У нас нет отработанных правил, как действовать в таких случаях. Надеюсь, и не будет. Но ты, милая девочка, представляешь собой угрозу, которой не место в моем районе.

– Я за ней присмотрю, – пообещал Брун.

– Брун... – Кшистоф откинулся на спинку кресла и посмотрел на него с легким изумлением. – Ты ведь не совсем идиот? Она сорвется. Это вопрос времени. Девчонка – бомба замедленного действия. И когда она рванет, тебя заденет. Я не стану больше прикрывать тебя.

– И не надо, – ответил Брун.

В кабинете повисла пауза. Кшистоф ритмично побарабанил ногтями по пластиковому подлокотнику кресла.

– Ладно. Сейчас у меня на руках заявление ее отца, на которое я должен отреагировать.

– Я не пропадала, – сказала Эльза, – а ушла. Я уже совершеннолетняя – имею право.

– Я смотрю, ты очень хорошо осведомлена о своих правах, – сказал Кшистоф. – А как насчет обязанностей? Твои родители сходят с ума.

– Да они только рады были, что я ушла!

– Поэтому на следующий же день побежали в полицию? В общем, так. Вы сейчас же едете в Центральный округ и встречаетесь с Давидом Даримовым, – сухо сказал Кшистоф. – Иначе я сам поднимаю твое дело, Брун, и отправляю его на пересмотр, изъав оттуда все свои показания о твоей благонадежности... Потому что ты болван! – внезапно заорал он. – Придурок! Ты не медведь, ты осел! Оборотень-дятел! Редкий, исчезающий вид! – Он вопил, сверкая желтыми глазами, усы воинственно распушились.

Эльза вынула из сумочки платок и оттерла щеку от брызнувшей на нее слюны.

– Ладно, заедем. Я заодно платье возьму, – сказала она невозмутимо. – А то мне совершенно не в чем пойти в театр.

Когда дверь кабинета за ними закрылась, Эльза задумчиво добавила:

– Знаешь, я бы поспорила, кто здесь психически неустойчивый.

Брун лишь вздохнул.

– Скажи-ка мне, Эльза, ты что, не могла позвонить родителям и сообщить, где находишься?

– Мне не хотелось с ними разговаривать, – буркнула она и пошла в сторону.

– Ты куда? Выход там.

Эльза остановилась у решетки, за которой храпела куча тряпья, источающая вонь на весь участок. На толстых, темных от времени прутьях четко выделялись вмятины и светлые полосы, словно кто-то их пилил, чтобы устроить побег.

Или грыз зубами, о которых даже подумать страшно.

– Уже иду, – тихо сказала Эльза.

* * *

– Значит, вот где ты живешь? – Брун обвел взглядом двухэтажный особняк. Стекланный купол оранжереи блестел под зимним солнцем, как бриллиант.

– Хочешь, покажу тебе гортензии?

– Спасибо, не надо, – ответил он. – Тем более нас уже ждут.

Родители Эльзы стояли на широком крыльце, вцепившись

в руки друг друга.

– Эльза, доченька, мы так волновались! – Мама шагнула вперед, но остановилась в нерешительности, прижав руку к груди.

Брун отметил и черные круги под ее глазами, и обгрызенные ногти на тонкой руке. Джемпер из золотистой пряжи был застегнут не на ту пуговицу и сидел косо. Отец Эльзы выглядел взъерошенным и сердитым, как нахохлившаяся птица. Родители посторонились, пропуская их в дом.

– Почему ты не брала трубку? – спросила мать.

– Потому что не хотела.

– Эльза, не смей так разговаривать с матерью, – приказал отец.

Она только пожала плечами и пошла вверх по лестнице.

– Подожди меня, я мигом, – крикнула она сверху Бруну, который остался в холле.

Отец Эльзы разглядывал неожиданного гостя с плохо скрываемой враждебностью.

– Вы кто?

– Брун, – ответил тот.

– Кто вы Эльзе? Почему пришли вместе с ней? Что вообще происходит? За что вам дали желтую метку? В какое животное вы обращаетесь?

Брун тоскливо покосился на мраморную лестницу, по которой убежала Эльза.

– Я медведь, – он решил ответить только на последний

вопрос.

– Если вы друг Эльзы, пожалуйста, помогите ей. – Мать вдруг взяла его за руку. Ее ладонь была горячей и сухой, как будто ее лихорадило. – Отведите ее в башню. Это единственный выход.

Брун аккуратно забрал свою руку.

– Она туда всегда успеет, – ответил он.

– Если она кого-нибудь убьет, ее уничтожат, – сказал отец. Он запустил руку в волосы, седые лохмы стали торчком. – А если пройдет процедуру в башне, по всем правилам, то через несколько лет мы сможем общаться.

– И опять заживем дружной семьей? – спросила Эльза, сбегая по ступенькам с синим платьем в руках.

– Эльза, доченька, послушай, – зачастила мать. – У Бишуновых инициировали сына два года назад, помнишь? При чем они за это отвалили пятьсот тысяч сторнов. Им разрешили встретиться на днях. Его мать сказала, что он даже изменился в лучшую сторону. Стал спокойнее, выглядит... живым.

– Мама! Он был умирающий от СПИДА наркоман, которого трижды судили за разбойное нападение. Он не мог стать еще хуже!

– Некоторые люди готовы платить бешеные деньги за то, чтобы стать вампиром! – Отец перегородил ей дорогу. – Раз уж это произошло, мы должны научиться жить с этим дальше. Ты наша дочь. Мы любим тебя и не хотим терять.

– Уже потеряли, – огрызнулась Эльза. – У вас и брошюрка есть «Как пережить потерю ребенка». Перечитайте на досуге.

– Эльза, не будь такой категоричной, – встрял Брун. – Им тоже тяжело.

– Твоя подруга, Вероника, встала в очередь на инициацию, – сказал отец.

– Вероника? – переспросил Брун. – Это та блондинка?

– Она звонила с утра, спрашивала – где ты, хотела поговорить.

– Мы с ней не так давно уже поговорили, – буркнула Эльза.

– Давайте выпьем чаю, – предложила вдруг мать, натянуто улыбнувшись, и жестом пригласила их в гостиную, виднеющуюся через распахнутые двери. – Ты расскажешь, где устроилась, что думаешь делать.

Брун подтолкнул Эльзу, забрав у нее платье. Девушка вздернула подбородок и пошла вперед.

В гостиной он осторожно опустился в кресло, обтянутое светлым бархатом, опасаясь за устойчивость тонких гнутых ножек.

– Я сейчас, – сказала мать, – хочу заварить чай сама.

– Где ты ночевала? – спросил отец у Эльзы, не сводя глаз с Бруна.

– У меня, – ответил Брун. – Я взял ее на работу.

– Правда? И что же она умеет делать?

– Она мне помогает.

– Вы не кажетесь тем, кому нужна помощь, – заметил мужчина, окинув его взглядом с ног до головы.

– Я не хочу уйти в спячку этой зимой, Эльза меня будит.

Отец поджал губы.

– Я много читал про вампиров в последнее время, – сказал он. – Эльза обернется, даже если укусит оборотня, вы знали? Все же в вас слишком много человеческого.

– Я ей не дамся. – Брун улыбнулся, сверкнув клыками.

– Как я понял, большую часть времени вы валяетесь в отключке. Не боитесь, что она воспользуется вашим беспомощным состоянием?

Брун глянул на Эльзу, которая сидела в кресле рядом с ним и разглядывала пейзаж на стене с таким интересом, как будто видела его впервые.

– А вот и чай! – Мать появилась в дверях с подносом, уставленным крошечными чашками. Поставила его на стеклянный столик, подвинула одну чашку к Эльзе. Брун мысленно вздохнул, примеряясь к тонкой посуде, когда Эльза вдруг вцепилась в его руку так, что ногти впились в кожу.

– Лобзик, – выдохнула она. – Брун! Лобзик!

Он вскочил, сгреб ее в охапку, прижав к себе. Отец поднялся с кресла, недоуменно глядя на них. Солоноватый терпкий запах просочился в ноздри Бруна.

– Вы добавили ей кровь в чай, – понял он.

– Выпей! – воскликнула мать. – Пожалуйста, доченька!

Эльзу колотило в его объятиях, глаза почернели, клыки выступили за губу. Брун схватил второй рукой платье и потащил Эльзу к выходу.

– Я хотела как лучше! – выкрикнула мать. – Эльза! Ты должна это сделать, пока не причинила никому вреда!

Брун на ходу зацепил пальцем куртку и пальто, вешалка с грохотом упала на мраморный пол. Эльза тяжело дышала, и он чувствовал, как гулко бьется ее сердце. Он опустил ее на землю только возле машины, открыв дверцу, запихнул девушку внутрь, кинул вещи на заднее сиденье.

Родители выбежали на крыльцо, и Брун быстро подошел к ступенькам, оглядываясь на машину.

– Вот мой номер, – он протянул визитку мужчине.

– Вы хотите ей добра, – сказала мать. Она не замечала слез, текущих по ее щекам. По запястью из-под рукава выползала алая струйка, капала на крыльцо, запорошенное снегом. – И мы тоже. Пожалуйста, сводите ее в церковь второго пришествия, пусть поговорит с пастырем. Она должна смириться, должна жить дальше.

Брун хмуро глянул на женщину, глаза которой были такого же теплого оттенка, как у Эльзы, когда та не испытывала жажду крови.

Он не стал ей ничего обещать.

– Так, сворачиваемся, – сказал Эльза, отбрасывая письмо в сторону. – Мы читаем почту Дробовицкого уже который час. У нас набрался целый список его любовниц, среди которых пока ни одной Маржеты. Пора собираться в театр.

– Знаешь, Эльза, я на такое не подписывался, – взбрыкнул Брун.

– Знаешь, Брун, посидеть взаперти я бы и дома могла. – Эльза встала, потянулась. – Я тебя бужу, помогаю с делами и жду ответной любезности.

– Давай обсудим виды любезностей. Я мог бы сходить с тобой на спортивный матч или, так уж и быть, в магазин.

– Брун, – Эльза посмотрела на него с укоризной. – Ты знаешь, что новообращенных вампиров держат в башне десять лет, пока они учатся контролировать голод?

– А как же тот наркоман общался с родными, а?

– Через решетку, – ответила Эльза. – Потом вампирам допускается выходить в парки и специальные рекреации, где нет людей. А в общественные места я смогу попасть самое раннее лет через пятьдесят.

– Мгновение по сравнению с вечностью, – хмыкнул Брун.

– Иди одевайся! – рывкнула Эльза. – Черный джемпер надешь, с треугольным вырезом.

– Сам разберусь, – буркнул он, разворачивая очередной конверт. На белом прямоугольнике чернела короткая фраза, написанная наискось витиеватым почерком. – Нашел! – воскликнул Брун. – Кажется, нашел!

– Верни кольцо, сука, – мрачно прочитала Эльза. – Эм.

– Адреса нет, – задумчиво пробормотал Брун, поворачивая конверт.

– Шикарная зацепка, – вздохнула она. – Все. Собираемся.

* * *

– Признайся, Эльза, ты так и не простила, что я разбил тебе губу, – сказал Брун, рассматривая потолок гардероба, украшенный лепниной и позолотой. – Это такая изощренная месть.

Эльза сняла пальто, перекинула его поверх куртки Бруна и улыбнулась гардеробщице.

– Не ной, – сказала она, беря его под руку. – Уже был второй звонок, надо спешить.

– Если мы опоздаем, то нас не пустят? – понадеялся Брун, косясь на Эльзу, которая вышагивала рядом.

– Кто сможет остановить почти-вампира и оборотня-медведя? – спросила Эльза, поправляя бретельку платья. – Расслабься и попытайся получить удовольствие.

– В принципе, есть некоторые моменты, за которые я почти готов полюбить театр, – сказал Брун, пропуская Эльзу в ложу под переливы третьего звонка. – Например, твое платье.

– Спасибо, – улыбнулась девушка. Темно-синяя ткань подчеркивала идеальную чистоту ее кожи, круглый вырез приоткрывал холмики груди.

– Оно очень удобное.

– В смысле? – Эльза села в кресло, подалась вперед, рассматривая зал, битком набитый зрителями.

– Если вдруг надо будет проверить, бьется ли твое сердце, то ничего не помешает... Кстати, давай проверю.

Эльза закатила глаза и покачала головой.

Свет погас, занавес дрогнул и поднялся. Софиты высветили декорации: деревья в цветочной дымке, контур замка с тонкими башенками. По залу разлилась нежная музыка, и на сцену выбежала босая женщина в развевающихся голубых одеждах, не скрывающих ее обильных прелестей.

Звнящее сопрано рассыпалось колокольчиками, мужчина в черном костюме, появившийся из-за дерева, подхватил партию бархатным баритоном.

– Давай я расскажу тебе, о чем постановка, – прошептала Эльза, наклонившись к плечу Бруна. – Это сильфида – мифическое существо, олицетворение стихии воздуха.

– Серьезно? – удивился Брун. – Вполне себе земная тетка. Такую порывом ветра не сдует. Такую и не каждым тракто-

ром сдвинешь.

– Она встречает героя и влюбляется в него.

Брун подался вперед, критически рассматривая мужчину.

– Ну, в общем, они подходят друг другу, – сказал он. – Сюртук вот-вот по швам треснет. А ты говорила, что я толстый. На него посмотри, а ведь герой!

– Прекрати ерничать. – Эльза легонько шлепнула его по руке. – Сильфида страдает.

– Это очевидно. Она так воет.

– Потому что они не могут быть вместе.

– А я думал, ей палец дверью прищемило.

– Ой, все, – фыркнула Эльза. – Ты безнадежен.

– А секс у них будет? – спросил Брун.

– Какой еще секс! – громким шепотом возмутилась Эльза. – Я ж говорю – они не могут быть вместе, это трагедия.

– Скучотень, – вздохнул Брун. Он сполз по креслу, устраиваясь удобнее, взял руку Эльзы и сплел ее пальцы со своими.

– Это еще зачем?

– Может, удастся поспать под эти унылые подвывания, – сказал Брун, закрывая глаза. – Это страховка, чтоб ты не выскочила за перила. Еще сорвешь спектакль, зря, что ли, деньги уплачены.

Эльза нахмурилась, но руку забирать не стала. Она покосилась на медведя, развалившегося в кресле рядом с ней. Под вечер, несмотря на утреннее бритье, у него отросла ще-

тина, густые брови разгладились, но тонкая морщинка пересекала широкую переносицу. Он все же надел черный джемпер, который она выбрала. Бурые волосы топорщились в треугольном вырезе.

– Если ты собралась рассматривать меня, то зачем мы вообще сюда пришли? Остались бы дома. Я бы мог даже раздеться, если бы ты попросила, – сказал Брун, не открывая глаз.

Эльза дернула плечиком и отвернулась к сцене.

* * *

Когда включили свет, Брун тут же открыл глаза.

– Что ж, это было познавательно, – бодро сказал он, выпрямляясь в кресле.

– Это антракт, – повернулась к нему Эльза. – Еще второй акт будет. Боже мой, видел бы ты сейчас свое лицо! Ты страдаешь куда натуральнее сильфиды!

– Может, выйдем? Разомнемся?

– Давай посидим, – отказалась Эльза. – Мне как-то не по себе.

Пальцы Бруна сжались на ее ладони чуть крепче.

– Нет, я не собираюсь ни на кого бросаться, но такое странное чувство в груди.

– Предложение проверить сердцебиение все еще в силе, – сказал Брун, глядя на ее вырез.

– Какая-то зовущая тоска.

– Мне тоже очень тоскливо, – признался Брун. – Давай уйдем? Тем более ты знаешь, чем все закончится.

Эльза посмотрела в зрительный зал. Люди выходили в арочные проходы, собирались группами, обсуждая оперу, некоторые остались на местах. Дамы сверкали драгоценностями, мужчины щеголяли галстуками и сдержанным блеском запонок. С галерки, где собралась молодежь, донесся взрыв хохота, и Эльза, пожившись, спряталась поглубже в кресло. Не хотелось еще одной встречи с бывшими друзьями.

Брун поерзал, закинув руку назад, почесал спину.

– Прекрати чесаться! – возмутилась она. – Это неприлично.

– Слушай, можешь почесать? – попросил он. – Прямо между лопаток.

Эльза сердито покачала головой, повернулась опять к залу и застыла.

Холодные глаза, светло-голубые, как прозрачный лед, смотрели на нее из ложи напротив. Девушка сжала руку Бруна, схватила воздух ртом.

– Пойдем, – просипела она, вскочила, потянув за собой Бруна.

– Хорошо, что ты воспринимаешь доводы рассудка, – об-

радовался он, спеша за ней следом.

Выбежав из ложи, Эльза прислонилась спиной к стене, закрыла глаза.

– Ты в порядке? – обеспокоился Брун. – Ты очень бледная. В смысле, ты и раньше румянцем не отличалась, но сейчас прямо со стеной сливаешься.

– Там был альфа, – выдохнула Эльза. Она стукнула кулаком по стене, и по ней пробежала тонкая трещинка.

– Эй, потише! – Брун огляделся. – Не стоит тут все крушить.

– Он смотрел на меня, – всхлипнула Эльза. – Смотрел!

Брун приобнял ее за плечи, погладил, тихонько прижал к груди.

Прозвенел звонок, последние зрители устремились на свои места, и коридоры опустели.

– Гляди-ка, это ведь наш Дробовицкий, – Брун кивнул на одну из картин, густо украшающих стену. – Даже не верится, что у него было столько женщин. Чем он их брал? Загадка похлеще кольца.

Эльза быстро вытерла слезы, посмотрела на портрет. Нос баклажаном и вислые щеки портили образ героя-любовника, но темные глаза смотрели живо и с любопытством.

– Может, в молодости он выглядел лучше, – предположила она.

Брун вдруг насторожился, пошел по коридору.

– Ты куда? – удивилась Эльза, и он, обернувшись, прижал

палец к губам. Тогда и она услышала возню и чей-то сдавленный стон.

Брун бросился вперед, красная ковровая дорожка от его стремительных прыжков сбилась в складки. Он нырнул за алую бархатную шторку, и через мгновение оттуда кубарем выкатился жилистый паренек, который тут же вскочил на корточки и зарычал, вздернув губу. Следом вылетел второй, он приземлился не так удачно, вписавшись лбом в колонну. Брун вышел из-за шторки, которая трепыхнулась алой волной. Он поймал первого оборотня в прыжке, перебросил через бедро, от души приложив его спиной об пол. Тот снова быстро вскочил, и Брун, не дожидаясь очередного броска, схватил его за пепельный чуб и направил лбом в стену.

– Ты что, их убил? – испугалась Эльза.

– Вырубил, – ответил Брун. – У них лбы крепкие.

Он пнул ногой одного, потом второго и, убедившись, что они в отключке, вернулся за шторку и вывел оттуда пожилую даму. Она всхлипывала и прижимала сухонькую ручку к груди, зеленая метка оборотня качалась в вытянутой мочке.

– Что им от вас было нужно? – спросил Брун. – Вот уж не думал, что встречу в опере волков из клана Ауруна. Не может быть, чтобы они пришли послушать эти нудные завывания, хотя... они же волки, а волки воют...

– Я расскажу вам, – пообещала старушка. – Если проводите меня домой. Я боюсь, что эти волчата могут быть не одни.

Брун глянул на Эльзу, и та кивнула.

Отъезжая от театра, Брун заметил машину с изображением бегущего волка на обшарпанном боку, припаркованную у заднего входа.

– Итак? – спросил он, поворачивая к Звериному кольцу.

– Я в полной растерянности, – призналась старушка. – Я пришла в театр в дань памяти моему давнему знакомому. Мы были... дружны с композитором, на музыку которого поставили эту оперу, Алексом Дробовицким. Он написал ее, когда мы... дружили. Я была его музой.

Брун с Эльзой переглянулись и синхронно закатили глаза.

– Он перенес нашу личную трагедию в музыку. Мы не могли быть вместе: я – оборотень, он – человек. Это в ваше время границы стираются и браки меж видами заключаются все чаще, а в дни, когда наша любовь... дружба... да к черту оговорки, мы были любовниками... В общем, в наше время это считалось немыслимым мезальянсом.

Старушка печально посмотрела в окно, будто вспоминая былое. На губах, исчерканных вертикальными морщинками, дрогнула улыбка.

– Я надеялась, что Алекс стоит выше социальных условий. Ошибалась...

– Как вас зовут? – спросила Эльза.

– Маргери Слоушицка, – ответила дама, протягивая ей маленькую ручку в белой перчатке.

– Дайте угадаю, – сказала Эльза, пожав тонкие пальцы. – Алекс Дробовицкий звал вас Маржетой.

В квартире старушки было опрятно и неожиданно куртуазно. У одной из стен в алькове, за золотыми шторами, собранными складками, стояла большая кровать. Хрустальная люстра висела так низко, что Бруну пришлось пригнуться, чтобы не задеть ее головой. От камина, украшенного затейливой решеткой, веяло свежими еловыми дровами, однако едкий кошачий запах все равно пробивался в ноздри.

– Так, значит, эта дрянь, Айседора, все никак не уймется. – Маргери вышагивала туда-сюда по комнате, грациозно огибая угловатый комод, украшенный резьбой, и журнальный столик с облупившейся позолотой.

Эльза подумала, что если бы старушка сейчас приняла свое кошачье обличье, то наверняка была бы хвостом и дергала усами.

– Она разрушила мою жизнь, отняла Алекса и теперь решила поглумиться напоследок, опорочив мое имя.

Она глянула на Эльзу, устроившуюся в кресле в уголке, зрачки в выцветших желтых глазах вытянулись в щелки, белые волосы, уложенные в гладкое каре, встали дыбом, широкая звериная переносица сморщилась – казалось, старушка вот-вот зашипит, как рассерженная кошка.

– Она не может пережить, что Алекс любил только меня! – выпалила она. – Он посвящал мне свою музыку даже после разлуки! О, горечь расставания и пыл неуголенной страсти...

Брун подпер щеку рукой, понуро следя за старушкой.

– Давайте разберемся, – сказал он. – Вы встречались с Дробовицким, когда он уже был женат?

– Их брак был лишь фикцией, – отмахнулась Маргери. – Мы даже обручились с Алексом, обменявшись кольцами.

Брун оживился, выпрямившись в кресле.

– Когда обстоятельства сложились так, что мы не могли больше быть вместе, Алекс отказался возвращать кольцо, – вздохнула старушка. – Не мог расстаться с напоминанием обо мне.

– Он хранил его до самой смерти, – подтвердила Эльза. – Но вы пытались вернуть кольцо? Почему?

– Я не хотела, чтобы кольцо ушло из семьи и уж тем более чтобы оно досталось Айседоре, – поджала губы Маргери. – Я надеялась, что передам его нашим с Алексом детям, которые так и не родились... А он оказался таким слабым. Тонкая натура, чувственный, страстный мужчина, но без стержня...

– Чего хотели волки? – спросил Брун.

Старушка остановилась посреди комнаты прямо под люстрой, блики от хрусталя заскользили по ее лицу. На миг ее кожа засияла молодостью, глаза вспыхнули янтарем, седые волосы окрасились золотом.

– Давайте заключим сделку, – предложила она. – Я отдам вам то, что им было нужно, а вы вернете мне письмо, которое я написала Алексу. – Румянец вдруг залил ее щеки.

– Да, – выпалила Эльза. – Мы согласны.

Брун кивнул. Было б что терять.

Маргери глубоко вздохнула, будто набираясь решимости, вытащила из-под кровати картонную коробку, достала из нее розовую шляпку с пером, вязаный шарф, смотанный в сиреневый клубок.

– Вот, – сказала она, вынимая продолговатый черный предмет. – Это то, что они искали.

– Она из агата? – спросила Эльза, таращась на черную руку с загнутыми когтями. – Или это обсидиан? Смотрится жутко.

Брун взял руку, покрутил ее, понюхал.

– По легенде, это правая рука Бальтазара, – сказала Маргери, – первого вампира.

* * *

– Отличный обмен, – сказала Эльза, садясь в машину. – Оторванная конечность за записку с угрозами.

– Она не угрожала, а только назвала его сукой, что, учитывая моральный облик Дробовицкого, можно считать ласко-

вым обращением, – возразил Брун. Он почесал вампирской рукой между лопаток и зажмурился от удовольствия. – О да!

– Ты понимаешь, что, возможно, чешешь себе спину оторванной рукой первого вампира? – выпалила Эльза.

– И она будто создана для этого! – ответил Брун. – Когти просто шикарные!

Эльза закрыла руками лицо, помотала головой.

– Ты невозможен, – сказала она, опустив руки на колени. – Знаешь, что мне непонятно?

– М-м-м? – Брун убрал руку в карман куртки и завел машину.

– Ладно, нам повезло наткнуться на бывшую поклонницу Алекса, посетившую оперу, с которой у нее связаны личные воспоминания.

– Уверен, что еще пять-шесть любовниц Дробовицкого считают, что именно они вдохновили его на образ сильфиды.

– Но волки! Откуда они знали, где ее искать?

Брун нахмурился, включил дворники, смахивающие мокрый снег, фары высветили дорогу, занесенную порошей.

– Может, у волков свои источники информации. А может... – Он задумался. – Помнишь, Клиф рассказывал, что за последние два месяца исчезли четыре медиума, специализирующиеся на поиске пропавших людей?

– Но для поиска людей все равно нужна какая-то информация: фото, имя, документы...

– Или вещь, которая принадлежала человеку. Например,

КОЛЬЦО.

– А почему Аурун отправил за старушкой молодых волков, а не явился сам?

– А кто его пустит в театр с сигнальным огнем в ухе? Меня больше волнует вопрос – на кой Ауруну сдалась эта рука. Может, конечно, у него тоже скоро линька. Но это слишком сложная комбинация, чтобы добыть чесалку, пусть даже такую классную.

– Ты ведь не собираешься оставить эту руку себе?

– А что мне с ней делать? Сдать в музей?

– Выкинь ее! Она жуткая!

– Я не боюсь вампиров. – Брун подмигнул Эльзе. – Уж ты-то знаешь.

* * *

Занавес опустился, и зал разразился аплодисментами.

– Чарующая музыка! – сказал Джонни, несколько раз хлопнув в ладоши. – Микаэль, я заметил, что весь первый акт ты смотрел не на сцену... Это ведь была та самая девушка, в ложе напротив? Та, которую ты инициировал без ее согласия?

– Верно, – подтвердил Микаэль. – Правда она восхитительна?

– Милая, – согласился Джонни. – Она все еще не прошла трансформацию до конца. Я могу привести ее к тебе.

– Не стоит, – отказался альфа. – Так даже интереснее. Подарок тем ценнее, чем дольше его ждешь. Ты продержался четыре месяца.

Он взял его за руку, легонько поцеловал кончики пальцев полными бледными губами.

– Красивое кольцо, – заметил Микаэль, повернув ладонь Джонни. – Я раньше его у тебя не видел.

Джонни покрутил витой серебристый ободок с красным всплеском камня посередине.

– Хочешь его?

– Нет, – отказался Микаэль. – Оставь себе.

Глава 5

– Да проснись же!

Эльза потрясла Бруна за плечо, похлопала по щеке.

– Подъем! – рывкнула она в ухо так, что Брун подскочил от неожиданности.

– Эльза, – простонал он. – Кто так будит мужчину? Ты можешь быть более нежной?

– Нежной я была десять минут назад – никакой реакции.

– Правда? А что ты делала? – заинтересовался Брун.

– Нежно звала тебя по имени.

– А еще?

– Хм, дай подумать... – Она прикусила ноготок, хитро глянула на Бруна. – Я разделась, легла с тобой рядом, – прошептала она с придыханием, склонившись к нему, – и терлась своим нежным телом о твою волосатую грудь, шепча в ухо всякие непристойности.

Она заправила прядь волос ему за ухо и медленно провела кончиками пальцев по шее.

– Врешь, – не поверил он.

– Выдумываю, – бодро ответила она, вставая с кровати. – Я нашла письмо Маржеты.

– Какое такое письмо? – удивился Брун. – Я думал, у нас только ее записка.

– О нет, – ответила Эльза. – Я жду тебя на кухне, расскажу все за завтраком.

Она скрылась за дверью, а Брун приподнял одеяло, глянул под него и вздохнул.

Когда он вошел на кухню, Эльза приветственно помахала ему желтым от времени конвертом.

– Знаешь, Брун, если бы это письмо попало к Айседоре, – сказала она, – ей даже не обязательно было бы сочинять целую книгу. Одно письмо стало бы хитом. Даже не верится, что Алекс Дробовицкий, старичок со щечками мопса, мог так завести женщину.

– Что там? – спросил Брун, подвигая к себе омлет.

– Я даже стесняюсь рассказывать, – ответила Эльза, наливая себе сок в стакан. – Бабуля была горячей штучкой.

– Это ты от нее набралась с утра?

– Ты считаешь меня горячей? – улыбнулась Эльза.

Брун проглотил пересоленный омлет и запил его кофе.

– Не в прямом смысле. Так ты довольно прохладная на ощупь.

Эльза укоризненно на него посмотрела.

– Вот ты медведь!

– Дай письмо почитать.

– Не дам, оно слишком личное.

– Сама ведь читала! Вдруг там важная информация про кольцо?

– И что?

– Как что? – удивился Брун. – Мы вообще-то на Айседору работаем. Мало того что мы обманули ее с фейским камнем, так теперь еще и собираемся утаить от нее информацию!

– Она вредная, – сказала Эльза.

– Она платит нам деньги.

– Я составила целый перечень любовниц ее мужа, о которых она наверняка знала, и рассортировала письма. Знаешь, почему Дробовицкий оставался с Айседорой? Потому что другая просто не стала бы терпеть его похождения. А она умудрялась считать себя единственной, притом что вокруг ее мужа был сонм женщин. В общем, пикантных подробностей в коробке и так на десять томов.

– Но ее отчего-то интересовала именно Маржета, – заметил Брун и выхватил конверт из рук Эльзы. – Ага, ага, – пробормотал он, читая выцветшие от времени строки. – Ого! Уф-ф-ф...

– Я предупреждала, – сказал Эльза, облизывая сок с губ. – У тебя так мило уши покраснели.

– Ладно, давай и вправду поскорее отвезем это письмо. А то как бы оно не самовоспламенилось.

* * *

У дома Маргери стояла машина с включенной мигалкой,

желтые ленты перетягивали вход. Брун помрачнел, припарковался. Эльза глянула на него расширившимися глазами, прижала руку к губам.

– Брун! – В окно стукнул Кшистоф, его рыжие усы намокли под снегом и повисли унылыми сосульками. – А ну-ка выйди, есть разговор.

– Сиди здесь, – сказал Брун Эльзе и вышел из машины.

Девушка смотрела, как здоровенный медведь угрюмо рассказывает что-то коротышке шефу. Тот поначалу кивал, потом, задрав подбородок вверх, стал комично подпрыгивать, потрясая в воздухе руками.

– Куда... болван... на остров... – донеслась до Эльзы обрывочная ругань. Брун еще покивал и, пожав Кшистофу руку, вернулся в машину.

– Маржета?..

– Умерла этой ночью, – подтвердил Брун. – Следов насильственной смерти нет. Вроде бы плохо с сердцем стало. Однако дверь выбита, и вся квартира перерыта.

– Боже мой... – Глаза Эльзы повлажнели. – Это из-за руки? Ее пытали?

– Нет, говорю же! – рявкнул Брун, сжимая руль. – Скорее всего, старушка умерла от испуга еще до того, как воры, или кто там, успели ее расспросить. Я рассказал Кшистофу о вчерашнем происшествии, о волках.

– И руку ему отдал?

Брун молча на нее покосился и снова уставился на дорогу.

– Объясни, чего ты в нее так вцепился? – взъерилась Эльза. – Теперь волки, или кто там, придут за ней к тебе! Они же наверняка тебя вчера узнали!

– Пусть приходят. – Брун улыбнулся, повернувшись к ней, и Эльза вздрогнула от его улыбки.

Они проехали кошачий квартал, но Эльза смотрела в окно машины, не замечая пролетающих домов, укрытых снежными шапками. В кармане ее пальто лежало письмо, которое обжигало каждого, кто читал его строки. Старушка Маргери любила и была любима и прожила на полную катушку каждую из своих девяти кошачьих жизней. И, может, где-то там, на небе, похожем на серую стиральную доску, она встретила своего Дробовицкого. Там ему точно от нее не уйти. Смерть стирает все условности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.